

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
"Российский университет транспорта"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 1(114)

Январь-Февраль

Москва
2026

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.),
Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент),
Газетов В.И. (к.и.н., профессор), Комиссаров С.Н. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Рожкова Л.В. (д.соц.н., профессор) Гузенина С.В. (д. соц. н.) Коростелева Л.Ю. (к.соц.н.)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2026. – Вып. №1(114). – 117 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 30.09.2025 года, ISSN 2072-6015.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ))

The editorial board

Marshak A.L. (Chief Editor, Ph. D., Professor), Gorbunov A.A. (the first Deputy Chief Editor, D. P. N., Professor), Sergeev V.K. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences), Anisimova T. G. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences, professor), Evlaev A.N. (Executive Secretary, Candidate of Political Science, Associate Professor), Gazetov V.I. (Doctor of Historical Science, Professor), Kretov B.I. (Doctor of Philosophy, Professor), Ksenofontov V.N. (Doctor of Philosophy, Professor), Rozhkova L.V. (Doctor of Social Sciences, Professor) Guzenina S. V. (Doctor of Sociological Sciences) Korosteleva L.YU. (Doctor of Sociological Sciences)

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2026. – Edition 1(114). – 117 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 30.09.2025, ISSN 2072-6015.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT (MIIT))

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

- Горбунов А.А.** Доктор политических наук, профессор, директор Академии базовой подготовки РУТ (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Иванов В.Н.** Главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН
Почетный доктор Института социологии РАН
почетный член Российского общества социологов (российское общество социологов)
доктор философских наук, профессор

Члены Совета

- Вдовиченко Л.Н.** Доктор социологических наук, профессор, Член Правления Российской ассоциации политической науки (РАПН)
- Запесоцкий А.С.** Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор
- Кравченко С.А.** доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России
- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия
- Маршак А.Л.** Главный научный сотрудник ИС РАН - ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член союза писателей России
- Мионов А.В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член союза писателей России
- Нарбут Н.П** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

- Смолин О.Н.** Доктор философских наук, профессор, академик РАО, член общественного редакционного совета, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ
- Сосунова И.А.** Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Голенкова З.Т.** доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
- Шабров О.Ф.** Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки
- Шувакович Урош** Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

- Gorbunov A.A.** Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Basic Training Academy RUT (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
- Ivanov V.N.** Corresponding Member of ISRAS - FCTAS RAS, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

- Vdovichenko L.N.** Doctor of Social Sciences, Professor
- Zapesotskiy A.S.** Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor
- Kravchenko S.A.** Doctor of Philosophy, Professor, member of the Union of Writers of Russia
- Kulashik Peter** Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia
- Marshak A.L.** Senior Researcher of ISRAS - FCTAS RAS, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia
- Mironov A.V.** Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia
- Narbut N.P.** Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia
- Smolin O.N.** Doctor of Philosophy, professor, member public editorial board, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma

Sosunova I.A.

Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor

Golenkova Z.T.

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Shabrov O.F.

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

Shuvakovich Urosh

Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

К ПРАЗДНОВАНИЮ ГОДА ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ

- ГУЗЕНИНА С.В.** «Братских народов союз вековой»: к празднованию года единства народов России.....12

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- НИКЛАУС А.А.** Федеративное устройство и пространственное развитие: анализ проблем и рисков.....16

- ТЕРЕНТЬЕВ В.А.** Основные концепции и модели государственной отраслевой политики...23

- ФЕДЯКИН А.В.
ФЕДЯКИН И.В.** Развитие потенциала российских городов в сфере туризма и новые задачи региональной политики государства на современном этапе.....34

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- РОЖКОВА Л.В.
ДУБИНА А.Ш.
ФЕДОРОВ Я.В.** Анализ влияния молодежных объединений на социальную активность молодежи Пензенской области.....43

- ЯМАЛЕТДИНОВ М.И.** Формирование цифровой этнической идентичности в Башкортостане: тематические доминанты, ретранслируемые образы и поведенческая реакция аудитории52

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

- ДЕМИДОВ Н.Н.** Применение языковых моделей искусственного интеллекта при изучении общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (социологические аспекты).....62

- ПЛОТНИКОВ В.В.** Капитализм в институте «раннего доступа»: труд игроков-тестировщиков и эксплуатация энтузиазма (критический взгляд на индустрию).....70

АСПЕКТЫ

ГАЗЕТОВ В.И. Массмедиа нацистской Германии: про-
ХОМЕНКО В.И. пагандистский аспект.....79

ТРОНЕНКОВА О.М. Противостояния России и Великобрита-
нии: исторический аспект.....94

КОНФЕРЕНЦИИ

ГУЗЕНИНА С.В. Студенческая наука как взгляд в буду-
КАКУШКИНА М.А. щее (по страницам межвузовской науч-
ной конференции)104

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....111

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....113

CONTENTS

TO CELEBRATE THE YEAR OF UNITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

GUZENINA S.V.	«Brotherly peoples united for centuries»: to celebrate the year of unity of the peoples of Russia.....12
----------------------	--

POLITICS AND SOCIETY

NIKLAUS A.A.	Federal structure and spatial development: analysis of problems and risks.....16
---------------------	--

TERENTYEV V.A.	Basic concepts and models of state sectoral policy.....23
-----------------------	---

FEDYAKIN A.V. FEDYAKIN I.V.	The development of the potential of Russian cities in the sphere of tourism and the new tasks of the state regional policy in the modern period.....34
--	--

SOCIOLOGY OF YOUTH

ROZHKOVA L.V. DUBINA A.SH. FEDOROV YA.V.	Analysis of the impact of youth units on the social activity of youth in the Penza region.....43
---	--

YAMALETDINOV M.I.	The formation of digital national identity in Bashkortostan: thematic dominants, transmitted images, and audience behavioral response.....52
------------------------------	--

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

DEMIDOV N.N.	Application of artificial intelligence language models in the study of public opinion on the activities of internal affairs bodies (sociological aspects).....62
---------------------	--

PLOTNIKOV V.V.	Capitalism in the institution of early access: the labor of player-testers and the exploitation of enthusiasm.....70
-----------------------	--

ASPECTS

- GAZETOV V.I.** The mass media in nazi Germany: the
KHOMENKO V.I. propaganda aspect.....79
- TRONENKOVA** The confrontation between Russia and
O.M. Great Britain: a historical aspect.....94

CONFERENCES

- GUZENINA S.V.** Student science as a look
KAKUSHKINA M.A. into the future (based on the
 pages of the interuniversity scientific
 conference).....104

CONFERENCES. SEMINARS. SYMPOSIUMS.....111

RULES OF PUBLICATION.....113

**К ПРАЗДНОВАНИЮ ГОДА ЕДИНСТВА
НАРОДОВ РОССИИ**

**TO CELEBRATE THE YEAR OF UNITY
OF THE PEOPLES OF RUSSIA**

*ГУЗЕНИНА Светлана Валерьевна
доктор социологических наук,
доцент, профессор, Тамбовский
государственный
университет имени Г.Р.
Державина, Тамбов, Россия
dialog-lana@yandex.ru*

*GUZENINA Svetlana Valer'evna
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor, Professor,
Derzhavin State University,
Tambov, Russia
dialog - lana @ yandex . ru*

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-114-1-12-15

**«Братских народов союз вековой»: к празднованию
года единства народов России / «Brotherly peoples
united for centuries»: to celebrate the year of unity
of the peoples of Russia**

*«Хватает Волге широты и сини,
Но с Камою она ещё сильней.
И для меня бы
Не было России
Без маленькой Удмуртии моей»
Флор Васильев*

12 июня 2025 года, на торжественной церемонии в Кремле, приуроченной к празднованию Дня России, президент РФ В.В. Путин отметил, что «Россия изначально, с первых своих шагов, складывалась как многонациональное государство»¹, пояснив, таким образом, что многонациональность выступает исторической основой России. Эту мысль президент продолжил на открытии Года единства народов России в национальном центре «Россия» в рамках просветительского марафона общества «Знание» «Россия – семья семей», сделав акцент на том, что в основе многонациональной России всегда лежало глубокое уважение к культуре, традициям и духовным корням каждого народа².

¹ Путин назвал многонациональность исторической основой России. RuNews24 [Электронный ресурс URL: <https://runews24.ru/amp/society/12/06/2025/putin-nazval-mnogonatsionalnost-istoricheskoy-osnovoj-rossii/>] (дата обращения 19.02.2026)

² Глава государства напомнил об исторических корнях формирования нации. Новости онлайн: [Электронный ресурс URL: <https://runews24.ru/society/05/02/2026/glava-gosudarstva-napomnil-ob-istoricheskix-kornyah-formirovaniya-naczii/>] (дата обращения 19.02.2026)

Празднование Года единства народов России как государственная и очень важная инициатива предложена атаманом Всероссийского казачьего общества Виталием Кузнецовым на заседании Совета по межнациональным отношениям в Кремле 5 ноября 2025 года. Она была поддержана президентом РФ и 25 декабря 2025 подписан Указ «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» № 962, в соответствии с которым, сопредседателями организационного комитета по проведению в Российской Федерации Года единства народов России назначены первый заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации Кириенко С.В. и Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Голикова Т.А. Указ президента об объявлении 2026-го Годом единства народов обозначил тему сплочения народов как определяющую для общегосударственной повестки на весь 2026 год. Годом единства народов России подчеркивается важность укрепления межэтнического согласия и сохранения культурного многообразия страны.

Подчеркнем, что празднование года единства народов России полностью соответствует и целям государственной национальной политики Российской Федерации, важнейшими из которых выступают: упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений¹. В этой связи, с целью напомнить россиянам о ценности культурного и языкового богатства, которое делает нашу страну уникальной, появится несколько новых знаковых дат для проведения в будущем профильных культурных, образовательных и общественных мероприятий : 30 апреля в РФ будет отмечаться День коренных малочисленных народов Российской Федерации, а 8 сентября - День языков народов РФ. В целом, в течение 2026 года по всей стране пройдут сотни мероприятий, включая как масштабные федеральные форумы и пленарные сессии, так и локальные фестивали, выставки и многое другое, направленные на укрепление межнационального мира и согласия.

При всей популярности постмодернистских концепций нельзя, тем не менее, с уверенностью сказать, что все общества постмодерна живут и развиваются строго в рамках тех духовных ориентиров, которые задаются данной перспективой, поскольку даже в начале третьего тысячелетия очевидны настойчивые как теоретические, так и практические поиски универсальных основ, объединяющих народы. Чаще такие усилия строятся сегодня не на идеологической и политической платформе, но на формулировании единства

¹ Указ Президента Российской Федерации 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» [Электронный ресурс URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/?Yclid=mlt5zaliob156141198>] (дата обращения 10.02.2026)

ценностей религии, общего менталитета и исторического прошлого, составляющих поле единой, коллективной духовности. Главным здесь становится само понимание необходимости существования устойчивых комплексов духовных ценностей. Для россиян такими ценностями ориентирами всегда были и остаются: Родина, родной дом и их защита, традиционные семейные ценности (включая традиции своей семьи, рода, родственников), чадолюбие, любовь, брак как союз мужчины и женщины, свобода, уважение к труду, духовность и нравственность, вера и верность, сотрудничество и взаимопомощь. Заметим, что российская культура позволяет формировать и регулятивные, и нормативные условия идентификации. Именно культура поддерживает устойчивость традиций, позволяет эффективно соотносить теорию идентификации с конкретными действиями, координирует различные виды и типы идентификационного потенциала общества¹.

Включение личности в традиции своего народа, использование традиционной культуры как средства организации личностного бытия – гарантия развития полноценного члена общества, становление свободной не от нравственных критериев оценки личности, а свободного в формах творческого выражения заложенных природных качеств человека, соединяющих его с жизнью мира и выводящих в сородственном единстве с жизнью других людей.

Безусловно, главным достижением и достоянием нашей родины выступает единство народа России, которое основано на общих ценностных константах, несмотря на культурное и этническое многообразие (а в России по последним статистическим данным² проживает более 190 этнических групп). Крупнейшие народы России: русские (71,7%), татары (3,2%), чеченцы (1,14%), башкиры (1,07%), чуваша (0,72%), аварцы (0,69%). Однако отечественная культура не может оставаться закрытой, застывшей, не реагирующей на вызовы современности. И сегодня именно эта, отличная от всего западного мира, культура является ценностным основанием и матрицей коллективной российской идентичности.

Культурно- духовная сфера жизни каждого народа – богатейший ларец, настоящим сокровищем которого выступает ценностное достояние народа, отражающее его исторический путь и судьбу, а также и то уникальное, что указывает на национальную специфику, поступательное развитие, самосохранение и единение; национальное наследие служит гарантом и неотъемлемой частью как личностного развития, так и исторического пути каждого народа. Лишь открыв полноценно сущность народного можно понять отдельного человека, при этом уяснив, что все духовное есть продукт творения самого

¹ Маршак А.Л. Культурная идентичность как фактор укрепления целостности России // Гуманитарий Юга России. 2014. №4. С. 50-54.

² Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami] (дата обращения 19.02. 2026)

человека, а потому и весь ценнейший исторический и социальный опыт мы не только используем и воспроизводим, передаём, но и сохраняем для следующих поколений. «Наши бойцы, наши герои на линии фронта, в зоне специальной военной операции, несмотря на разное этническое происхождение, несмотря даже на разницу в религии, обращаются друг к другу «брат». И это очень дорогого стоит»¹, - сказал президент РФ В.В.Путин, открывая Год единства народов России 5 февраля 2026 года в Национальном центре «Россия».

¹ Глава государства напомнил об исторических корнях формирования нации. Новости онлайн: [Электронный ресурс URL: <https://runews24.ru/society/05/02/2026/glava-gosudarstva-napomnil-ob-istoricheskix-kornyah-formirovaniya-nacziij>] (дата обращения 19.02. 2026)

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

*НИКЛАУС Анна Александровна
кандидат политических наук,
доцент, доцент,
Московский психолого-социальный
университет, Москва, Россия
nicklaus.anna@gmail.com*

*NIKLAUS Anna Aleksandrovna
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor, Moscow University of
Psychology and Social Sciences,
Moscow, Russia
nicklaus.anna@gmail.com*

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-114-1-16-22

Федеративное устройство и пространственное развитие: анализ проблем и рисков / Federal structure and spatial development: analysis of problems and risks

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу ключевых подходов к типологизации современных федеративных государств и исследованию особой роли столиц в рамках федеративных отношений. Цель исследования – на основе сравнительного анализа существующих классификаций федераций выявить взаимосвязь между типом федерации и функционально-статусными характеристиками её столицы, а также предложить авторскую классификацию столиц федеративных государств.

В работе последовательно рассматриваются такие основания классификации, как степень симметрии, принцип образования субъектов, способ создания федерации и уровень централизации. На этой основе проводится институциональный анализ столиц, выделяются их ключевые функции (политико-административная, символическая, интеграционная) и статусы. Научная новизна заключается в систематизации типологических признаков федераций применительно к феномену столичности и в разработке оригинальной классификации столиц, основанной на критериях их происхождения и политического веса в системе «центр – регионы». Полученные выводы способствуют углублению понимания динамики федерализма и могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области политологии, теории государства и сравнительного федерализма.

Ключевые слова

Федерация; типологизация; асимметрия; столица; столичный регион; федеральные отношения; центр-регионы.

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of key approaches to the typologization of modern federal states and the study of the special role of capitals in the framework of federal relations. The purpose of the

study is to identify the relationship between the type of federation and the functional and status characteristics of its capital based on a comparative analysis of existing classifications of federations, as well as to propose an author's classification of the capitals of federal states.

The paper consistently examines such bases of classification as the degree of symmetry, the principle of formation of subjects, the method of federation creation and the level of centralization. On this basis, an institutional analysis of the capitals is carried out, their key functions (political, administrative, symbolic, integration) and statuses are highlighted. The scientific novelty lies in the systematization of the typological features of federations in relation to the phenomenon of metropolitan area and in the development of an original classification of capitals based on the criteria of their origin and political weight in the "center – regions" system. The findings contribute to a deeper understanding of the dynamics of federalism and can be used in further research in the field of political science, theory of state and comparative federalism.

Keywords

Federation; typologization; asymmetry; capital; metropolitan region; federal relations; center-regions.

Введение

Актуальность исследования обусловлена постоянной трансформацией федеративных систем в условиях глобализации, регионализации и внутренних политических вызовов. Федеративные государства, представляя собой сложную форму территориально-политического устройства, демонстрируют значительное разнообразие, что требует их систематизации. При этом особая роль в балансировании федеративных отношений традиционно отводится столице как ключевому институциональному и символическому актору. Однако в научной литературе анализ типологий федераций и исследование функций столиц часто существуют раздельно.

Целью данной статьи является выявление взаимосвязи между типологическими характеристиками федерации и спецификой статуса, функций и роли её столицы в управлении и политическом процессе.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- провести сравнительный анализ основных научных подходов к типологизации федеративных государств;
- определить ключевые функции и политико-правовой статус столиц в федеративных системах;
- на основе эмпирического материала выявить закономерности влияния типа федерации на модель столичности;
- предложить авторская классификация столиц федеративных государств.

Основные подходы к типологизации федеративных государств

Федеративные государства не являются идентичными, их

особенности обусловлены историей возникновения, структурой и характером взаимоотношений между центром и субъектами, что и ложится в основу их классификации.

Можно выделить следующие виды федераций:

1. Симметричные и асимметричные федерации. Наиболее распространённая классификация отражает правовое равенство субъектов. В симметричных федерациях (теоретическая модель, наиболее близки к ней Германия, США, Австрия) все субъекты обладают де-юре равным конституционным статусом. Асимметричные федерации (Канада, Индия, Россия) характеризуются различиями в статусе составных частей, что может быть закреплено юридически (особый статус Квебека, бывший статус Джамму и Кашмира) или складываться фактически в силу экономических или политических диспропорций. Асимметрия часто является инструментом учета историко-культурной специфики регионов.

2. Территориальные, национальные и смешанные федерации. Критерием выступает принцип формирования субъектов. Территориальные федерации (США, Бразилия) созданы для удобства управления. Национальные (этнические) федерации (в чистом виде являются скорее идеальным типом; элементы присутствуют в Бельгии) строятся по признаку компактного проживания этнических групп. Смешанные федерации (Россия, Канада, Швейцария) сочетают оба принципа, что часто приводит к внутренней асимметрии в правах между национальными и территориальными субъектами.

3. Договорные и конституционные федерации. Основанием является способ создания федерации. Договорные («снизу вверх») возникают в результате соглашения ранее независимых или суверенных образований (США в 1787 г., ОАЭ). Конституционные («сверху вниз») формируются путем децентрализации унитарного государства или трансформации конфедерации посредством принятия общей конституции (Индия, Пакистан).

4. Централизованные и децентрализованные федерации. Критерий – распределение властных полномочий. В централизованных федерациях (Индия, Малайзия) центр обладает широкими правами, включая изменение состава федерации. В децентрализованных (Швейцария, США) субъекты имеют широкий круг конституционно закреплённых исключительных полномочий.

Столица в системе федеративных отношений: функции, статус, влияние

Столица в федеративном государстве является не просто главным городом, но и ключевым институтом, функционирующим в напряжённом поле отношений «федеральный центр – субъекты федерации». Её роль выходит за рамки административного управления.

В системе федеративных отношений столица выполняет комплекс взаимосвязанных функций, определяющих её ключевую

роль в обеспечении стабильности и единства государства. Ведущей среди них является политико-административная функция, поскольку столица служит местом дислокации высших федеральных органов власти и основным центром принятия общегосударственных решений. Это превращает её в институциональное ядро всей политической системы.

Наряду с этим, столица несёт важную символическую и интеграционную нагрузку. Она выступает материальным воплощением государственного суверенитета и единства, призванным консолидировать разнородное территориальное целое и нейтрализовать центробежные тенденции. Именно эта потребность в нейтральном символе часто обуславливает выбор столицы на специально выделенной, непредвзятой территории, как это произошло с Канберрой в Австралии или Вашингтоном в США.

Логическим продолжением данной роли является арбитражно-медиативная функция. Будучи главной политической ареной, столица естественным образом становится основной площадкой для переговоров, согласования интересов и урегулирования потенциальных конфликтов как между федеральным центром и регионами, так и между самими субъектами федерации. Дополняет этот комплекс экономико-управленческая функция, проявляющаяся в концентрации финансовых потоков и головных офисов крупнейших корпораций, что усиливает стратегическое значение столицы.

Реализация этих функций напрямую зависит от политико-правового статуса столицы, который в различных федерациях имеет существенные различия. Можно выделить несколько основных моделей. Первая модель предполагает оформление столицы в качестве отдельного субъекта федерации (федерального округа или территории), что обеспечивает её выведение из состава какого-либо штата или земли. Такой правовой дизайн призван гарантировать независимость и безопасность федеральных властей, как, например, в случае Вашингтона (округ Колумбия) в США или города Мехико (ранее — Федеральный округ) в Мексике.

Альтернативная модель — нахождение столицы в составе одного из субъектов федерации. В этой ситуации город, выполняя столичные функции, административно подчинён властям данного субъекта (кантона, провинции), что потенциально способно создавать институциональные конфликты интересов. Данная модель реализована в Берне (Швейцария) и Оттаве (Канада).

Третья, наиболее сложная с точки зрения управления модель — признание столицы городом федерального значения, то есть самостоятельным субъектом федерации, формально равноправным с другими регионами. Эта конструкция, характерная для Москвы в Российской Федерации и Брюссельского столичного региона в Бельгии, требует особенно чёткого законодательного разграничения полномочий между городскими и общегосударственными органами

власти, чтобы избежать их дублирования или конфликта.

Тип федерации и модель столичности: взаимосвязь и авторская классификация

Анализ показывает, что выбор статуса и функции столицы во многом коррелирует с типом федерации.

В децентрализованных и договорных федерациях (США, Швейцария) выше вероятность создания столицы как отдельной федеральной территории для обеспечения нейтралитета и баланса. В смешанных и асимметричных федерациях (Россия, Бельгия) столица часто имеет статус города федерального значения, что подчеркивает её особую роль и одновременно усложняет внутреннее управление. В централизованных федерациях столица, даже будучи отдельным субъектом, тяготеет к доминированию федеральной администрации.

На основе проведённого анализа происхождения функциональной роли столиц в федеративных государствах предлагается авторская классификация столиц по двум ключевым критериям: происхождение/способ обретения статуса и политический вес в системе «центр – регионы».

Имплантированная, или нейтральная, столица формируется в результате сознательного политического решения. Её происхождение связано либо со специальной постройкой нового города, либо с выбором в качестве компромисса между конкурирующими регионами или политическими силами. Данный генезис детерминирует её ключевую роль как доминирующего символа федеративного единства. Её политическое влияние целиком производно от размещённых в ней федеральных институтов, а её принципиальная нейтральность в потенциальных межрегиональных противоречиях (обусловленная отсутствием собственной исторической региональной базы) усиливает легитимность центральной власти. Классическими примерами служат Канберра в Австралии, Вашингтон (округ Колумбия) в США и Абуджа в Нигерии.

Противоположный тип представляет собой исторически доминирующая столица. Её статус проистекает не из политического компромисса, а из длительного исторического развития в качестве главного города наиболее могущественного региона или бывшей метрополии унитарного государства. Это обуславливает её роль как доминирующего центра, обладающего не только административными, но и автономными политическими и экономическими ресурсами. Такая столица не просто размещает федеральную власть, но и сама способна оказывать на неё существенное влияние, что может порождать специфические напряжения в отношениях «центр–регионы». К данному типу относятся Москва в Российской Федерации, Берлин в Германии и Мехико в Мексике.

В условиях глубокой полиэтничности или поликультурности возникает тип консенсусной, или интеграционной, столицы. Она избирается как наименее конфликтный вариант, призванный не

доминировать, а интегрировать разнородные части федерации. Её политический вес основан не на силе, а на функции арбитра и медиатора. Её значимость определяется способностью служить нейтральной платформой для диалога, согласования интересов и поддержания хрупкого баланса, как это демонстрируют Брюссель в Бельгии и Куала-Лумпур в Малайзии.

Наконец, федерально-административная столица характеризуется закреплением столичных функций за городом, который заведомо не является экономическим или историко-политическим центром страны. Такой выбор часто делается для того, чтобы отделить административное управление от финансовых и символических центров. В результате её политический вес оказывается сугубо функциональным и ограничивается ролью административного центра, что минимизирует её влияние на внутрифедеративные балансы, как видно на примере Оттавы в Канаде и Берна в Швейцарии.

Таким образом, предложенная классификация позволяет перейти от формально-правового анализа статуса столицы к пониманию её реальной роли в политической динамике федеративного государства, определяемой комплексом исторических и институциональных факторов.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило тезис о глубокой взаимосвязи между типом федеративного устройства и моделью столичности. Существующие классификации федераций (по симметрии, принципу образования, способу создания и централизации) создают матрицу, в рамках которой формируется специфический статус, функции и политическая роль столицы. Столица в федерации – это не просто место расположения власти, а сложный институт, призванный решать задачи интеграции, представительства и балансирования интересов. Предложенная классификация столиц, основанная на их происхождении и политическом весе, позволяет более тонко анализировать их роль в конкретных федеративных контекстах и прогнозировать потенциальные зоны напряжения в отношениях «центр – столица – регионы». Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния мегаполисного статуса столиц на федеративную стабильность и сравнительный анализ моделей управления столичными регионами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Kochetkov E.E., Tomić V., Bestaeva E.V. Ethno-federalism and political modernization in malaysia // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 11-21.
2. Кочетков Е.Е. Влияние институтов асимметричного федерализма на стабилизацию федеральной и региональной политики // Право и политика. 2014. № 1. С. 14-22.
3. Снетков В.Н. Классификация современных моделей

федераций / В.Н. Снетков, Н.А. Фомина // Научно-технические ведомости СПбГПУ. — 2010. — №2. — С. 44-51.

4. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма / И.А. Умнова. – Москва: Дело, 1998. – 280с.

5. Пивентьев А.С. Классификация федераций в современном мире / А.С. Пивентьев // Труды Современной гуманитарной академии. – 2011. - №4. – С. 31-43.

6. Чиркин В.Е. Современное федеративное государство: учебное пособие / В.Е. Чиркин. – Москва: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1997. – 124с.

REFERENCES

1. Kochetkov E.E., Tomić V., Bestaeva E.V. Ethno-federalism and political modernization in malaysia // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. T. 12. № 2. S. 11-21.

2. Kochetkov E.E. Vliyanie institutov asimmetrichnogo federalizma na stabilizaciyu federal'noj i regional'noj politiki // Pravo i politika. 2014. № 1. S. 14-22.

3. Snetkov V.N. Klassifikaciya sovremennyh modelej federacij / V.N. Snetkov, N.A. Fomina // Nauchno-tekhicheskie vedomosti SPbGPU. — 2010. — №2. — S. 44-51.

4. Umnova I.A. Konstitucionnye osnovy sovremennogo rossijskogo federalizma / I.A. Umnova. – Moskva: Delo, 1998. – 280s.

5. Pivent'ev A.S. Klassifikaciya federacij v sovremennom mire / A.S. Pivent'ev // Trudy Sovremennoj gumanitarnej akademii. – 2011. - №4. – S. 31-43.

6. CHirkin V.E. Sovremennoe federativnoe gosudarstvo: uchebnoe posobie / V.E. CHirkin. – Moskva: Izd-vo Mosk. nezavisimogo in-ta mezhdunar. prava, 1997. – 124s.

*ТЕРЕНТЬЕВ Виталий Андреевич
соискатель, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
abp-rut@yandex.ru*

*TERENTYEV Vitaly Andreevich
Candidate, Russian University of
Transport, Moscow, Russia
abp-rut@yandex.ru*

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-114-1-23-33

Основные концепции и модели государственной отраслевой политики / Basic concepts and models of state sectoral policy

Аннотация

В статье представлен политологический анализ государственной отраслевой политики (ГОП) как институционализированного механизма перевода политической воли в управленческие действия. ГОП рассматривается не как набор административных мер, а как особая форма публичной власти, в рамках которой сталкиваются интересы, распределяются ресурсы и формируется долгосрочная траектория развития отрасли.

Автор выделяет ключевые стадии цикла ГОП — от формирования повестки до оценки результатов — и «узлы перевода» политических решений в административную практику: стратегическое планирование, бюджетирование, организационную архитектуру и систему контроля. Особое внимание уделяется типовым причинам разрывов между замыслом и реализацией политики. На основе предложенной теоретической рамки обосновывается, что крупные инфраструктурные проекты (например, транспортные) являются политико-управленческими комплексами, требующими анализа через призму институтов, процедур и конкуренции интересов.

Ключевые слова

Государственная отраслевая политика; политический анализ; публичная власть; институционализация; целеполагание; цикл политики; стратегическое планирование; реализация политики; разрыв целей и результатов; транспортная инфраструктура; политико-управленческий комплекс.

Abstract

The article presents a political science analysis of state sectoral policy (GOP) as an institutionalized mechanism for translating political will into managerial actions. The GOP is viewed not as a set of administrative measures, but as a special form of public authority within which interests collide, resources are allocated, and a long-term trajectory for the development of the industry is formed. The author identifies the key stages of the GOP cycle — from the formation

of the agenda to the evaluation of results — and the "nodes of translation" of political decisions into administrative practice: strategic planning, budgeting, organizational architecture and control system. Particular attention is paid to the typical causes of gaps between policy design and implementation. Based on the proposed theoretical framework, it is proved that large infrastructure projects (for example, transport) are political and managerial complexes that require analysis through the prism of institutions, procedures and competition of interests.

Keywords

State sectoral policy; political analysis; public authority; institutionalization; goal setting; policy cycle; strategic planning; policy implementation; goals and results gap; transport infrastructure; political and management complex.

В политологическом смысле государственная отраслевая политика (далее — ГОП) не сводится к набору административных мер и инструкций, направленных на «нормальное функционирование» той или иной отрасли. Напротив, ГОП выступает как институционализированный механизм, в рамках которого политическая воля и приоритеты власти переводятся в систему целей, правил, ресурсов и процедур, а затем — в управленческие действия и общественно значимые результаты [7].

Такой взгляд позволяет рассматривать отраслевую политику не как «техническое управление» отраслью, а как особую форму осуществления публичной власти, в которой сталкиваются интересы, распределяются ресурсы, закрепляются приоритеты и формируется долгосрочная траектория развития [9].

Понятие «государственная политика» в современной политической науке обычно связывается с устойчивым курсом действий государства: не разовыми решениями, а совокупностью намерений, программ и инструментов, согласованных с целями власти и реализуемых через управленческие механизмы [7]. В этой логике ГОП является частным случаем государственной политики, но со своей спецификой: она сосредоточена на конкретной сфере общественной жизни (отрасли), где государство одновременно выступает (а) регулятором правил, (б) распределителем ресурсов, (в) гарантом общественных интересов и (г) координатором множества участников (ведомств, регионов, организаций, профессиональных сообществ и др.) [9].

Чтобы избежать методологической путаницы, важно развести три близких, но не тождественных уровня. Во-первых, нормативно-техническое регулирование (стандарты, строительные нормы, технические требования). Оно необходимо, но по своей природе относится к инженерному администрированию и описывает «как должно быть устроено» в технологическом смысле. Во-вторых, операционная хозяйственная деятельность организаций отрасли (производство

услуг, эксплуатация, коммерческие решения), ориентированная на эффективность конкретного субъекта. В-третьих, государственная отраслевая политика как политико-институциональная деятельность, отвечающая на вопросы другого порядка: что является приоритетом для государства в данной сфере, ради каких целей перераспределяются ресурсы, какие интересы признаются легитимными, какие институты создаются или меняются, как обеспечивается исполнение принятого курса [9].

В политологической перспективе ГОП проявляется прежде всего, как процесс целеполагания и приоритизации, закреплённый в институтах и процедурах. Этот процесс включает: формирование повестки (какие проблемы признаются государством значимыми), выработку решения (какие цели выбираются и почему), проектирование инструментов (какими средствами цели будут достигаться), реализацию (какие органы и организации исполняют решения), а также оценку и корректировку курса. Подобная логика позволяет описывать отраслевую политику как относительно устойчивую «линию поведения» государства, а не как хаотический набор мер ¹.

Здесь принципиально, что переход от политического решения к административному действию не является механическим. Он проходит через «узлы» институциональной переработки: ведомственные процедуры, бюджетные ограничения, конкуренцию организаций за ресурсы, переговоры и согласования, формальные и неформальные каналы влияния. В результате отраслевой курс может менять содержание уже на стадии исполнения: часть целей «размывается», часть — усиливается, а часть — подменяется показателями, удобными для отчётности. Такой разрыв между политическим замыслом и административной реализацией — одна из ключевых тем анализа государственной политики [8].

Отсюда следует важная методологическая позиция: ГОП имеет как минимум два измерения — содержательное и процессуальное. Содержательное измерение — это система целей и приоритетов (что именно считается правильным направлением развития отрасли, какие общественные эффекты должны быть достигнуты, какие риски допустимы). Процессуальное измерение — это борьба и согласование интересов вокруг этих целей: кто формирует повестку, кто обладает правом окончательного решения, кто контролирует ресурсы и информацию, кто выигрывает от выбранных инструментов, а кто несёт издержки². В реальной политике эти измерения всегда переплетены: даже максимально рационально сформулированные цели реализуются через процедуры и институты, а сами процедуры и институты неизбежно отражают баланс сил.

Место ГОП в системе государственной политики определяется

¹ Купряшин Г.Л. Основы государственного и муниципального управления. М.: Юрайт, 2023. С. 112.

² Устинович Е.С. Указ. соч. С. 92.

тем, что отраслевой курс встраивается в более высокий уровень приоритетов: национальные цели, стратегическое планирование, государственные программы, проектные механизмы. С одной стороны, такие рамки задают «верхний контур» целей и критериев успеха; с другой стороны, они выступают инструментами дисциплинирования ведомств и исполнителей через показатели, сроки и контроль¹. В этом смысле отраслевую политику можно рассматривать как «средний уровень» между политическим целеполаганием (верхний уровень) и исполнением конкретных действий (нижний уровень). Именно на этом уровне происходит ключевой перевод абстрактных приоритетов в конкретные решения о правилах, ресурсах и институтах.

Отдельного внимания заслуживает институциональная сторона ГОП. В отраслях, где решения требуют высокой ресурсной концентрации и длительных горизонтов, государство нередко опирается на гибридные институты — организации, совмещающие управленческую и хозяйственную логику и выполняющие государственные задачи с использованием рыночных инструментов. Для политологического анализа важно не юридическое наименование таких организаций, а их функциональная роль в механизмах политики: они могут выступать проводниками приоритетов, центрами компетенций, операторами проектов, а также участниками распределения ресурсов и политической ренты².

На этой основе в рамках настоящего исследования предлагается следующее рабочее определение: Государственная отраслевая политика — это институционализированный курс действий публичной власти в определённой сфере, включающий целеполагание, установление правил, распределение ресурсов и организацию координации участников, посредством которых политические приоритеты переводятся в управленческие решения и общественно значимые результаты.

Данное определение позволяет удерживать ГОП в поле политической науки: видеть за «техническими мерами» властные отношения, институциональные механизмы и конкуренцию интересов, не сводя анализ к экономическим расчётам или ведомственной отчетности. Описанные здесь подходы, логика и базовые элементы ГОП далее используются как теоретическая рамка для анализа транспортной политики современной России (гл. 2).

В политологическом анализе государственная отраслевая политика становится наблюдаемой не в момент публичного заявления о приоритете, а в момент, когда приоритет получает институциональную форму: закрепляется в документах, превращается в программу действий, обеспечивается ресурсами и исполняется конкретными организациями. Иначе говоря, для исследователя принципиален

¹ Ленчук Е.Б., Пономарева О.С., Хорос К.В. Стратегическое планирование в России: итоги и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 34.

² Аузан А.А. Культурные коды экономики. М.: АСТ, 2022. С. 85.

механизм преобразования политической воли в административные действия — та «трансмиссия», через которую курс власти переводится в управляемые процессы и измеримые результаты ¹.

Политическая воля в государственном управлении выражается не только в декларациях. Она проявляется как выбор приоритетов и готовность обеспечить их ресурсами и принуждением, то есть превратить политическое предпочтение в обязательный для системы ориентир. Однако любая политическая воля изначально формулируется на уровне общих смыслов (суверенитет, связанность территории, безопасность, развитие), тогда как административные системы требуют конкретизации: что именно делать, кто делает, когда, за счёт чего, как измерять успех. Переход от смыслов к задачам — первая зона риска: при конкретизации можно как усилить исходный замысел, так и «перекодировать» его в более удобную для отчётности и ведомственных процедур форму ².

Важное следствие: чем сложнее объект политики (например, крупный инфраструктурный проект), тем длиннее цепочка конкретизации и тем выше вероятность смещения акцентов. В инфраструктуре это проявляется особенно сильно: долгие горизонты, много участников, высокая стоимость ошибок, зависимость от бюджета и закупочных процедур, а также политическая значимость результатов делают перевод политической воли в действия многослойным и конфликтным³.

Для описания механизма удобно использовать циклическую логику разработки и реализации политики: от постановки проблемы и включения её в повестку до оценки результатов и корректировки курса⁴. В рамках этого цикла можно выделить пять взаимосвязанных стадий.

1. Формирование повестки и постановка проблемы. На этой стадии происходит политическое признание: определённая сфера объявляется значимой, а её состояние — проблемным или перспективным. В отраслевой политике это часто сопровождается конкуренцией проблем: разные ведомства, регионы, отраслевые группы и экспертные сообщества предлагают свои трактовки того, «что главное» и «где узкое место»⁵. Здесь уже формируется будущая конфигурация решений: кто определил проблему, тот во многом определяет и допустимые решения.

2. Формирование решения и выбор инструментов. Признание проблемы само по себе не тождественно политике: необходим выбор целей и средств. На этой стадии курс превращается в проект решения:

¹ Соловьев А.И. Указ. соч. С. 282.

² Там же. С. 298.

³ Якунин В.И. Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития. М.: Экономика, 2006. С. 45.

⁴ Соловьев А.И. Указ. соч. С. 316.

⁵ Устинович Е.С. Указ. соч. С. 89.

задаются целевые ориентиры, выбираются инструменты (регулирование, бюджетные инвестиции, государственные программы, проектное управление и т.п.), устанавливаются исполнители и механизмы координации¹. При этом выбор инструментов редко бывает исключительно рациональным: он отражает баланс сил, доступность ресурсов, бюрократическую инерцию, а иногда — и интересы групп влияния².

3. Институционализация решения. Чтобы решение стало обязательным, оно должно получить институциональную форму: нормативные акты, стратегические документы, программы, распределение бюджетных лимитов, показатели результативности, организационные поручения³. Именно здесь политика становится «реальной»: появляется правовой и организационный каркас исполнения.

4. Реализация и управленческая координация. Стадия исполнения включает административные процедуры и практики управления: планирование, закупки, строительство/эксплуатацию, контроль сроков и качества, межведомственное согласование, взаимодействие с регионами и организациями-операторами⁴. Реализация — наиболее уязвимый этап, потому что здесь замысел сталкивается с ограничениями: бюджетными, кадровыми, организационными, технологическими, внешними. Часто именно на стадии исполнения первоначальная политическая воля либо подтверждается ресурсами, либо фактически отступает перед ограничениями.

5. Мониторинг, оценка и корректировка курса. Политика не завершена актом исполнения: важно, как система фиксирует результаты и реагирует на отклонения. На практике контроль часто принимает форму отчётности по показателям, но это не всегда означает оценку общественного эффекта. Возникает риск подмены: измеряется то, что легко измерить, а не то, что важно для заявленных целей⁵.

Эта схема важна для диссертации тем, что она позволяет видеть: приоритет отраслевой политики — это не лозунг, а устойчивость прохождения всех стадий, особенно стадии институционализации и ресурсного обеспечения.

Чтобы не оставаться на уровне абстрактного цикла, целесообразно выделить узловые точки, в которых политическая воля проходит «перевод» на язык управления. Узел 1. Документы целеполагания и стратегического планирования. В российской практике стратегические документы часто выступают «верхним контуром» отраслевой политики: они задают ориентиры, оправдывают приоритеты и формируют рамку допустимых решений. Однако сами по себе документы не гарантируют действий. Ключевой вопрос политологического анализа

¹ Аносова Л.А., Кабир Л.С. Стратегическое планирование в сфере государственной отраслевой политики // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 7. С. 712.

² Соловьев А.И. Указ. соч. С. 320.

³ Купряшин Г.Л. Указ. соч. С. 145.

⁴ Соловьев А.И. Указ. соч. С. 350.

⁵ Ленчук Е.Б., Пономарева О.С., Хорос К.В. Указ. соч. С. 38.

— как стратегические ориентиры связываются с ресурсами и ответственностью исполнителей¹. Здесь типичен разрыв: стратегия может формулировать долгосрочную цель, но не иметь устойчивого ресурсного механизма; или цели стратегии могут быть заменены показателями, удобными для отчётности².

Узел 2. Программирование и бюджетирование. Если стратегический документ задаёт «куда», то бюджет и программы задают «чем и как». В отраслевой политике именно распределение ресурсов — главный индикатор реального приоритета. При ограниченности ресурсов решения о финансировании неизбежно политичны: они отражают иерархию целей и баланс влияния³. При этом бюджетная логика (годовые циклы, лимиты, правила закупок) может вступать в противоречие с долгосрочной логикой инфраструктурных проектов, требующих многолетней предсказуемости⁴.

Узел 3. Организационная архитектура исполнения. Для крупных проектов и отраслей с высокой сложностью государство опирается на распределённую систему акторов: ведомства, регионы, подведомственные организации, операторы, организации с государственным участием. Это создаёт необходимость в координации: согласовании интересов, распределении ответственности, управлении конфликтами и информацией⁵. В политологическом анализе здесь важно не «кто формально отвечает», а кто обладает ресурсами контроля: доступом к информации, бюджетом, процедурным правом блокировать решения, экспертной монополией и т.п.⁶

Узел 4. Показатели и контроль. Любая административная система стремится к формализации результата. Показатели позволяют сравнивать, ранжировать, наказывать и поощрять. Но они формируют риск смещения целей: если показатель становится важнее цели, политика начинает работать на «выполнение показателя»⁷. Для инфраструктуры это особенно чувствительно: можно «выполнить километры» и не получить связанности; можно «освоить средства» и не получить качества; можно «сдать объект» и не получить устойчивой эксплуатации.

4. Почему возникают разрывы: типовые механизмы искажения политики.

Переход от воли к действию редко бывает линейным. Ниже — наиболее типовые причины, почему отраслевая политика теряет замысел в процессе реализации (и почему это должно быть проговорено уже в теоретическом параграфе). (а) Конкуренция

¹ Аносова Л.А., Кабир Л.С. Указ. соч. С. 715.

² Соловьев А.И. Указ. соч. С. 360.

³ Пономаренко Е.В. Экономика и финансы общественного сектора: учебник. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 115.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Купряшин Г.Л. Указ. соч. С. 160.

⁶ Соловьев А.И. Указ. соч. С. 375.

⁷ Ленчук Е.Б., Пономарева О.С., Хорос К.В. Указ. соч. С. 40.

повесток и ведомственная рациональность. Разные органы власти и акторы по-разному формулируют проблему и предпочитают разные инструменты. В результате решение становится компромиссом, а не чистой реализацией исходной воли¹. (б) «Перевод» цели в удобный показатель. Административные системы любят измеримость. Поэтому смысловая цель (например, связанность территории) может быть заменена формальным показателем (например, объём работ), который проще контролировать и отчитывать². (в) Разрыв горизонтов: политический, бюджетный, проектный. Политическое целеполагание может быть долгосрочным, тогда как бюджет и процедуры часто краткосрочны. В результате проекты дробятся, переносятся, «перепрошиваются» под новые циклы, что снижает устойчивость курса³. (г) Информационная асимметрия и зависимость от исполнителей. В сложных проектах заказчик/регулятор часто зависит от экспертизы исполнителей. Это создаёт риск, что технические и финансовые параметры будут определяться не столько публичным интересом, сколько интересами исполнителей и посредников⁴. (д) Конфликт интересов и политическая рента. Там, где распределяются крупные ресурсы, возникает соблазн присвоения части общественного эффекта в пользу отдельных групп — через завышение смет, выбор подрядчиков, лоббирование решений⁵. Это не «моральный упрёк», а структурное условие крупных распределительных решений, которое должно учитываться в теоретической модели.

5. Значение для последующего анализа КТИП Для темы диссертации принципиально, что крупные транспортные инфраструктурные проекты — это не просто «строительство объектов», а политико-управленческие комплексы, в которых:

- приоритет формируется в борьбе повесток;
- решения институционализируются через стратегии, программы, бюджеты и проектное управление;
- реализация требует координации множества акторов;
- контроль часто опирается на показатели, которые могут смещать смысл;
- результаты возникают не автоматически, а через преодоление разрывов между целеполаганием и исполнением.

Следовательно, анализ КТИП как приоритета государственной отраслевой политики требует, чтобы в главе 2 внимание было сосредоточено не только на перечне проектов, но и на том, как именно политическая воля превращалась в управленческий контур: какими документами закреплялась, какими ресурсами обеспечивалась, через какие институты и процедуры реализовывалась, какие механизмы

¹ Устинович Е.С. Указ. соч. С. 91.

² Соловьев А.И. Указ. соч. С. 380.

³ Ленчук Е.Б., Пономарева О.С., Хорос К. В. Указ. соч. С. 42.

⁴ Пономаренко Е.В. Указ. соч. С. 145.

⁵ Аузан А.А. Указ. соч. С. 98.

контроля применялись и где проявлялись типовые разрывы ¹.

Для политологического анализа государственной отраслевой политики важно не только дать определение, но и описать типовые модели, через которые государство организует управление отраслью. Модель в данном контексте — это не «идеальный план», а устойчивое сочетание (1) целей, (2) инструментов, (3) конфигурации акторов и (4) принципов распределения ресурсов и ответственности. Иными словами, модель показывает, каким образом государство превращает политические приоритеты в правила, бюджеты, организационные решения и проекты — и какие эффекты (а также побочные последствия) из этого возникают ².

При этом важно заранее зафиксировать два методологических положения. Во-первых, в реальной политике модели почти никогда не существуют в «чистом виде»: они накладываются друг на друга, смешиваются и могут различаться по уровням управления (федеральный, региональный, муниципальный) и по подсферам одной отрасли ³. Во-вторых, смена моделей чаще всего происходит не как одномоментный «поворот», а как дрейф: инструменты и институты накапливаются, образуя новый баланс, пока прежняя логика управления не становится недостаточной для решения ключевых задач ⁴.

1. Критерии различения моделей отраслевой политики

Чтобы типология была рабочей (а не описательной), нужны критерии различения. Для задач настоящего исследования достаточно выделить пять критериев:

- Роль государства в отрасли: регулятор, инвестор, оператор, координатор, «собственник через участие».
- Принцип ресурсного обеспечения: преимущественно частные инвестиции, смешанное финансирование, бюджетная концентрация, внебюджетные механизмы под контролем государства.
- Механизм координации акторов: конкуренция и рынок; ведомственная иерархия; программно-целевой контур; проектное управление; институциональные «посредники» (организации с государственным участием).
- Горизонт планирования и допустимость риска: краткосрочная эффективность; среднесрочные программы; долгосрочные стратегические траектории; «режим приоритета» с повышенной терпимостью к издержкам ради целей.
- Логика контроля: правовое регулирование и надзор; контроль исполнения поручений; управление по показателям; проектный контроль; политическая ответственность.

Эти критерии позволяют описывать модели так, чтобы затем

¹ Якунин В.И. Указ. соч. С. 60.

² Устинович Е.С. Указ. соч. С. 93.

³ Купряшин Г.Л. Указ. соч. С. 180.

⁴ Огнева В.В. Россия в меняющемся мире: поиск новой модели политического развития // Вестник международных организаций. 2024. № 1. С. 195.

«примерять» их к крупным транспортным инфраструктурным проектам как к особому классу решений, где одновременно действуют иерархия, рынок, программы и проектный контур.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аносова Л.А., Кабир Л.С. Стратегическое планирование в сфере государственной отраслевой политики // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 7. С. 710–720.
2. Аузан А.А. Культурные коды экономики. М.: АСТ, 2022. 160 с.
3. Купряшин Г.Л. Основы государственного и муниципального управления. М.: Юрайт, 2023. 574 с.
4. Ленчук Е.Б., Пономарева О.С., Хорос К.В. Стратегическое планирование в России: итоги и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 33–42.
5. Огнева В.В. Россия в меняющемся мире: поиск новой модели политического развития // Вестник международных организаций. 2024. № 1. С. 192–208.
6. Пономаренко Е.В. Экономика и финансы общественного сектора: учебник. М.: ИНФРА-М, 2022. 377 с.
7. Сморгун Л.В. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. М.: Аспект Пресс, 2018. 432 с.
8. Соловьев А.И. Принятие и исполнение государственных решений: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2019. 496 с.
9. Устинович Е.С. Государственная отраслевая политика как проблемное поле исследований в политической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 88–94.
10. Якунин В.И. Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития. М.: Экономика, 2006. 432 с.

REFERENCES

1. Anosova L.A., Kabir L.S. Strategic planning in the field of state sectoral policy [*Strategicheskoe planirovanie v sfere gosudarstvennoj otraslevoj politiki*] // Economics and management. 2020. Vol. 26. No. 7. pp. 710-720.
2. Auzan A.A. Cultural codes of economics [*Kul'turny`e kody` e`konomiki*]. Moscow: AST, 2022. 160 p.
3. Kupryashin G.L. Fundamentals of state and municipal management [*Osnovy` gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya*]. Moscow: Yurayt, 2023. 574 p.
4. Lenchuk E.B., Ponomareva O.S., Khoros K.V. Strategic planning in Russia: results and development prospects [*Strategicheskoe planirovanie v Rossii: itogi i perspektivy` razvitiya*] // Forecasting problems. 2020. No. 6. pp. 33-42.
5. Ogneva V.V. Russia in a changing world: the search for a new model of political development [*Rossiya v menyayushhemsya mire: poisk novoj modeli politicheskogo razvitiya*] // Bulletin of International Organizations. 2024. No. 1. pp. 192-208.

6. Ponomarenko E.V. Economics and finance of the public sector [*E`konomika i finansy` obshhestvennogo sektora*]: textbook. Moscow: INFRA-M, 2022. 377 p.

7. Smorgunov L.V. Public policy: institutions, digitalization, development [*Publichnaya politika: instituty`, cifrovizaciya, razvitie*]. Moscow: Aspect Press, 2018. 432 p.

8. Solovyov A.I. Adoption and execution of state decisions [*Prinyatie i ispolnenie gosudarstvenny`x reshenij*]: a textbook. 2nd ed., ispr. Moscow: Aspect Press, 2019. 496 p.

9. Ustinovich E.S. State sectoral policy as a problematic field of research in political science [*Gosudarstvennaya otraslevaya politika kak problemnoe pole issledovaniy v politicheskoy nauke*] // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law*. 2021. Vol. 11. No. 2. pp. 88-94.

10. Yakunin V.I. Political science of transport. The political dimension of transport development [*Politologiya transporta. Politicheskoe izmere-nie transportnogo razvitiya*]. Moscow: Ekonomika, 2006. 432 p.

*ФЕДЯКИН Алексей Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «История» Российского
университета транспорта,
Москва, Россия
Politologia-MIIT@yandex.ru*

*FEDYAKIN Aleksey Vladimirovich
doctor of political sciences,
professor, head of department
«History» of Russian university
of transport, Moscow, Russia
Politologia-MIIT@yandex.ru*

*ФЕДЯКИН Иван Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедрой
«Философия» Российского
университета транспорта,
Москва, Россия
fedyakin_iv@mail.ru*

*FEDYAKIN Ivan Vladimirovich
doctor of political sciences,
professor, head of the department
«Philosophy» of Russian
university of transport,
Moscow, Russia
fedyakin_iv@mail.ru*

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-114-1-34-42

Развитие потенциала российских городов в сфере туризма и новые задачи региональной политики государства на современном этапе / The development of the potential of Russian cities in the sphere of tourism and the new tasks of the state regional policy in the modern period

Аннотация

Статья посвящена анализу приоритетов в сфере развития внутреннего туризма в России, которые обозначены на высшем государственном уровне в последнее время. Особое внимание уделено перспективам развития российских городов, прежде всего средних и малых, в контексте реализации политики в области стимулирования внутреннего туризма, как по сути самостоятельного направления региональной политики государства.

Ключевые слова

Государственная политика; города России; региональное развитие; туризм; инфраструктура.

Abstract

The article analyses the priorities in the field of domestic tourism development in Russia, which have been set at the highest state level recently. Special attention is paid to the prospects for the development of Russian cities, primarily medium-sized and small, in the context of the implementation of state policy in the field of stimulating domestic tourism, as de-facto separated branch of state regional policy.

Keywords

State policy; Russian cities; regional development; tourism; infrastructure.

Современные геополитические реалии все отчетливее обозначают необходимость осуществления Россией такого внутривластного курса, который бы надежно гарантировал ее поступательное развитие в течение ближайших, как минимум, десятилетий. Очевидно, что такой гарантией, помимо само собой разумеющегося постоянного укрепления государственного суверенитета и неуклонного упрочения национального единства, является в том числе уверенное, динамичное и гармоничное развитие российских городов – старых и относительно новых, больших и малых, региональных столиц и обычных райцентров и т.д. Как было отмечено в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. – по сути, развернутом плане действий в важнейших сферах общественной и государственной жизни на ближайшие шесть лет и более отдаленную перспективу, – одной из приоритетных задач является создание «комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях». Ее реализация, по словам главы государства, предполагает осуществление широкого комплекса мероприятий, включающих, в частности, продолжение цифровизации населенных пунктов («Условия для использования цифровых систем должны быть не только в мегаполисах, но и в малых городах»), расширение в них возможностей для занятий физкультурой и спортом (запланировано строительство «в регионах, прежде всего в малых городах, на сельских территориях, дополнительно не менее 350 спортивных объектов»), сохранение их исторического облика («по всей стране надо привести в порядок не менее тысячи объектов культурного наследия, дать им вторую жизнь, чтобы они служили людям и украшали наши города и села»)¹ и т.д.

Очевидно, что для превращения заявленных на самом высоком государственном уровне планов в конкретные практические результаты требуются соответствующие усилия со стороны всей управленческой вертикали, немалая часть звеньев которой, как известно, придерживалась с начала СВО явно или неявно «выжидательной» позиции, всячески откладывая решение актуальных вопросов политической повестки на неопределенный срок или перекладывая их на плечи других властных органов, структур, должностных лиц и т.д. Сейчас, когда неумолимый ход разворачивающихся на международной арене событий делает все более прозрачными иллюзии относительно возвращения к недавнему прошлому, так или иначе связанному с ориентацией – политической, экономической, технологической, социальной, культурной, бытовой и пр. – на «заграницу», под которой понимался прежде всего западный

¹ Цит. по: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 01.01.2026).

(западноевропейский и североамериканский) мир во всех его формах, проявлениях и пр., настоятельно требуется переход к более активным действиям со стороны принимающих решения лиц и наделенных властью институтов.

Одним из важнейших направлений государственной политики, где все еще остаются значительные и в целом ряде случаев пока что невостребованные резервы для развития российских городов и даже целых субъектов РФ, является политика в отношении туристической сферы и сопряженных с ней отраслей национальной экономики. По сути, речь идет о выделении в рамках региональной политики во многих отношениях самостоятельного направления деятельности государства, со своими системой целеполагания, набором механизмов реализации, критериями эффективности, индикаторами результативности и т.д. Неслучайно в уже упомянутом Послании 2024 г. глава государства подчеркнул, что «в целом по стране – с учетом динамичного развития таких туристических центров, как Алтай, Камчатка, Кузбасс, Северный Кавказ, Карелия, Русский Север, – до 2030 года турпоток должен практически удвоиться, до 140 миллионов человек в год. При этом вклад туризма в ВВП России также вырастет вдвое – до пяти процентов»¹. Но, безусловно, определенным образом акцентированная самостоятельность данной области деятельности государства предполагает сохранение тесной увязки целей, задач, инструментов и пр. с другими направлениями его региональной политики, равно как и со всей системой общенациональных интересов и приоритетов.

Действительно, о развитии внутреннего, а с ним – и въездного туризма говорится уже давно и написано довольно много, причем весьма внушительным числом экспертов, ученых, практиков и т.п. Официальные статистические отчеты органов власти федерального, регионального и муниципального уровней свидетельствуют об устойчивой тенденции к росту поездок россиян с туристическими целями внутри страны, о появлении новых центров притяжения отечественных и зарубежных отдыхающих, о диверсификации туристских потребностей и рекреационных запросов наших сограждан и иностранцев и т.д. Это – реалии, с которыми нельзя не считаться, независимо от того, нравятся они всевозможным доморощенным поклонникам «заграницы» или нет.

Реальностью является и то, что города, помимо традиционной для них функции места жительства, работы, учебы значительной части населения страны, играют роль важных культурных и рекреационных центров, крупных точек притяжения любителей различных видов туризма и отдыха. Это, наряду с не менее традиционной для городов функцией транспортных узлов, делает их особо привлекательными местами проведения досуга и развлечений. А для многих

¹ Цит. по: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 01.01.2026).

российских регионов, особенно географически удаленных и потому труднодоступных, – и вовсе единственными сегментами пространства, где местное население может получить соответствующий спектр туристско-рекреационных, сервисных и т.п. услуг.

Иными словами, города нашей страны как административно-территориальные образования (а в случае Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя – даже как целые субъекты Федерации, и в случае Сириуса – как федеральные территории) вообще и как туристические объекты в частности – это неотъемлемая часть инфраструктуры государства¹. Данная инфраструктура, взятая в общем и целом, является основой устойчивого развития всего российского общества не только в настоящий момент, но и в средне- и долгосрочной перспективе, залогом сохранения накопленного ранее совокупного общенационального потенциала и его приумножения в будущем, в том числе посредством привлечения ранее незадействованных ресурсов, поиска и использования новых возможностей и т.д.

В свою очередь, общероссийская специфика и многообразие локальных условий, наблюдаемые практически повсеместно, делают города нашей страны особыми пространственными образованиями, от устойчивости развития которых в конечном итоге зависит качество жизни не только непосредственно проживающих в них граждан, но и жителей соседних территорий, расположенных рядом и удаленных на значительные расстояния. А потому любые сохраняющиеся в городах или вблизи них инфраструктурные ограничения, связанные в том числе с недостатком комфортабельных мест размещения, объектов сервиса, транспортных связей и т.д., становятся проблемой, при прочих равных условиях, могущей иметь отнюдь не только (и даже не столько) исключительно внутригородские последствия...

Представляется, что в текущих, в целом ряде аспектов крайне непростых, условиях, которые, очевидно, будут носить долговременный характер, субъекты РФ должны проявлять значительно больше, чем это было ранее, инициативы в части формирования и реализации проектов в туристической сфере. А тем самым они должны становиться более активными участниками региональной политики государства на всех стадиях ее формирования и реализации. Ведь именно региональные и муниципальные власти находятся ближе к «земле», обладают актуальной информацией о подведомственных им субъектах Федерации и муниципальных образованиях, не понаслышке знакомы с их рекреационным потенциалом и «изюминками», способными привлечь туристические потоки. Они же, региональные и муниципальные администрации, максимально приближены к ресурсам на местах, которые могут в максимальной степени эффективно быть задействованы в решении имеющихся проблем. Именно им, в частности, хорошо известны «узкие места» на транспортных

¹ Горбунов А.А., Терентьев В.А. Инфраструктура государства: типология, функции, особенности // Вестник Российской нации. 2025. № 2. С. 101–112.

коммуникациях, а также возникающие при сопряжении различных видов транспорта общего пользования «швы», сдерживающие рост конкретных территорий и городов, что в том числе ограничивает развитие и внутреннего, и въездного туризма.

Многие российские города весьма привлекательны с точки зрения их посещения с туристическими и рекреационными целями. Немалая их часть является в прямом смысле слова архитектурными и культурными памятниками под открытым небом, их история насчитывает века и даже тысячелетия. Целый ряд городов хотя и не обладает обилием культурно-исторических достопримечательностей, однако, расположен в местах с живописной природой или особым климатом, оказывающим оздоровительное воздействие на организм человека. Наконец, есть города, чья привлекательность для туризма и отдыха на первый взгляд неочевидна, но в то же время может быть раскрыта при более внимательном отношении к существующим у них особенностям, актуальным и потенциальным ресурсам, большим и малым резервам и т.д.

Как уже говорилось выше, статистические данные официальных органов и профильных коммерческих структур свидетельствуют об устойчивом росте внутреннего туризма в нашей стране в последние годы, причем основные туристические потоки направлены именно в российские города. Так, в число регионов-лидеров с максимальным внутренним туристическим потоком по итогам 2023 г. вошли Краснодарский край с его черноморскими городами-курортами, Москва и Подмосковье с его городами, Санкт-Петербург и городские поселения Ленинградской области¹. В 2024 г. рейтинг российских регионов по объему внутреннего туристического потока вновь возглавили Москва и подмосковные города, курортные города Краснодарского края, а также Санкт-Петербург и пригороды².

Имеются достаточные основания полагать, что данная динамика будет сохраняться в обозримой перспективе. А потому российским городам, особенно тем, для которых туризм и сопряженная с ним сервисная деятельность еще не стали важным источником пополнения местного бюджета, стоит поскорее задуматься над имеющимися у них возможностями и оперативно начать их задействовать в соответствующем направлении. Оживление пространств населенных пунктов (включая выведенные из хозяйственного оборота промышленные зоны, экологически деградирующие участки и пр.) и обновление существующей в них среды, вовлечение новых кварталов и целых частей городов в уже действующие и вновь создаваемые туристические маршруты, которые будут представлять интерес для различных социальных, профессиональных, возрастных и т.д. категорий путешествующих россиян (и не только их), умелое

¹ См.: <https://www.atorus.ru/node/54569> (дата обращения: 01.01.2026).

² См.: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/tourism/news/opublikovan-reyting-turisticheskoy-privlekatelnosti-regionov-rf-za-2024-god> (дата обращения: 01.01.2026).

сочетание различных видов и форм туризма (событийный, культурный, оздоровительный, гастрономический и пр.) – все это актуальные задачи, решение которых будет работать во благо как конкретных городов и прилегающих к ним регионов, так и нашей страны в целом.

И такие задачи уже реализуются в целом ряде российских городских поселений, причем как в крупных, так и в малых. По инициативе и при участии региональных и местных властей создаются новые гостиницы и объекты общественного питания, обустраиваются прогулочные зоны, реставрируются памятники старины, формируются комфортные общественные пространства и т.д. Вместо еще относительно недавно считавшихся захолустными городков и городишек в различных уголках нашей страны благодаря внутрирегиональным программам развития, мастер-планам муниципалитетов и т.п. появляются свежие и аккуратные городские поселения, с современной инфраструктурой, отвечающей последнему слову техники и технологий, интересными местами для организации отдыха и проведения досуга. При этом оживает и пространство вокруг таких городов: нередким является переселение их жителей за городскую черту (субурбанизация), что неминуемо влечет за собой подъем и развитие значительного числа территорий.

Конечно, активизация участия субъектов РФ и муниципальных образований в региональной политике государства отнюдь не означает «перекладывание» федеральным Центром на них всей полноты ответственности за ее реализацию. В любой федерации, тем более в такой пространственно масштабной и структурно сложной и многообразной, как Россия, имеющей в своем составе подчас разительно контрастирующие по природно-географическим условиям, темпам развития экономики, ресурсному потенциалу территории, уровню жизни населения и т.п. объективным показателям регионы, реализация значительного объема полномочий в максимальной степени эффективно возможна лишь при непосредственном участии Центра, полноценном осуществлении им своей объединяющей, направляющей, руководящей, контролирующей, распределяющей и т.д. роли.

Очевидно, что, к примеру, возведение самостоятельно, с опорой лишь на свои собственные средства и ресурсы, точечных или линейных объектов транспортной инфраструктуры – аэропортов, многофункциональных логистических хабов, автомобильных обходов с многоуровневыми развязками, внутригородских железных дорог с тоннелями и мостовыми переходами, речных и морских портов с глубоководными причалами и современными терминальными комплексами, линий и станций метрополитена, крупных искусственных сооружений в сильнопересеченной местности т.д. – не под силу не то что подавляющему большинству российских городов, но даже и субъектов РФ. Равно как и поддержание устойчивого функционирования данных объектов магистрального транспорта, включая решение вопросов,

связанных в том числе с обеспечением транспортной безопасности, защитой окружающей среды и т.д. – задача преимущественно федерального уровня (предотвращение террористических атак на мост через Керченский пролив и ликвидация последствий разлива нефтепродуктов из потерпевших крушение морских танкеров вблизи побережья Анапы – наглядные тому свидетельства).

Кроме того, требуется максимальная согласованность действий Центра и субъектов РФ там, где имеет место «чересполосица» частей пространства региона (муниципального образования), подведомственных или находящихся в собственности органов власти и управления разных уровней. Например, в границах многих городских поселений России имеются объекты культурного наследия федерального значения, целый ряд курортных городов расположен в непосредственной близости или даже в окружении особо охраняемых природных территорий и т.д. В итоге деятельность муниципальных властей, направленная, скажем, на поддержание устойчивого функционирования города (уборка снега с улиц, оборудование зданий и сооружений средствами наблюдения или оповещения населения и т.д.) или на сохранение местной экосистемы (борьба с вредителями редких растений, подтоплениями территорий и пр.), – в общем-то входящая в типичный набор функций управленческой структуры любого городского поселения, на практике может оказаться ограниченной разного рода регламентами, бюрократическими согласованиями и т.д. А это, безусловно, делает невозможной, даже недопустимой какую-либо «отстраненность» институтов власти федерального уровня от решения данных вопросов, кажущихся на первый взгляд «сугубо» региональными/муниципальными¹.

Понятно и то, что реализация инфраструктурных проектов общероссийского масштаба и значения, включая проекты создания новых крупных объектов туристско-рекреационной инфраструктуры на территории регионов РФ, должна находиться в зоне постоянного внимания федеральных органов власти.

Возьмем, к примеру, проект «Пять морей и озеро Байкал», о содержании которого в наиболее развернутом виде впервые было объявлено на профильном совещании в Правительстве РФ 8 ноября 2023 г.² Его реализация, в частности, предполагает строительство круглогодичных курортов мирового уровня на российском побережье Балтийского («Белая дюна» в Калининградской области, «Санкт-

¹ Впрочем, нельзя допускать и перегибов в сторону регионального «иждивенчества»: так, неконтролируемое строительство многоквартирных жилых домов и т.п. объектов в курортных городах Юга России и вызванное этим в том числе исчезновение уникальной природной среды, флоры, ландшафта и т.д. – в подавляющем большинстве случаев следствие соответствующих действий (или бездействия) региональных/муниципальных властей, а отнюдь не федеральных. И потому активные шаги по решению данных проблем должны все-таки предприниматься властными структурами и должностными лицами соответствующего уровня.

² Цит. по: <http://government.ru/news/50027/> (дата обращения: 01.01.2026).

Петербург марина» в городе на Неве), Азовского (курорт «Приморск» в Запорожской области), Черного («Золотые пески. Крымская Ривьера» в Крыму, «Новая Анапа» в Краснодарском крае), Каспийского (Каспийский прибрежный кластер недалеко от Дербента в Дагестане) и Японского («Приморье» близ Владивостока) морей, а также на озере Байкал («Волшебный Байкал» в Иркутской области и Бурятии). По подсчетам Президента РФ, озвученным в Послании 2024 г., один только «этот проект позволит увеличить внутренний турпоток еще на 10 миллионов человек в год»¹.

Наряду с этим, ожидается создание порядка 80 тыс. новых рабочих мест – и непосредственно в сфере гостеприимства, и в сопутствующих отраслях экономики регионов, включая строительство, инженерные сети, коммунально-бытовую сферу, транспорт, промышленность (производство продукции для туризма, инвентаря и т.д.), сельское хозяйство (продукты питания), профессиональное образование (подготовка кадров для отрасли), и многое другое. Все это будет иметь долгосрочное положительное воздействие как на регионы расположения вновь возводимых курортов, так и на оказывающиеся в зоне их притяжения населенные пункты соседних субъектов РФ, включая те, которые будут играть роль транзитных и стыковочных/пересадочных для будущих туристических потоков. Ведь, как верно заметил глава государства, все «это будет стабильно работать как часы на протяжении длительного периода времени. Потому что потребность в отдыхе... никуда не денется»².

В целом же, очевидны огромные возможности и значительные резервы, сохраняющиеся в развитии отечественной туристической отрасли, а также индустрии сервиса и гостеприимства. А тем самым сохраняется актуальность проведения соответствующих направлений государственной политики, прежде всего региональной, которая бы в максимальной степени учитывала эти возможности и резервы, использовала бы их с наибольшим результатом для развития российских городов и регионов. Ведь рост в указанных сферах влечет за собой развитие смежных секторов регионального и муниципального хозяйства, а тем самым создается мультипликативный эффект, о необходимости которого постоянно говорится на самом высоком уровне, в профессиональном научном и экспертном сообществе. Более того, сейчас, в условиях антироссийской кампании, развязанной т.н. «коллективным Западом» и его приспешниками, у нашей страны появляется уникальный шанс отказаться от долгое время навязывавшихся «иностранных» ожиданий и приступить, наконец, к решению застарелых проблем отдельно взятых городов и регионов, сосредоточиться на развитии наших территорий, включая вновь

¹ Цит. по: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 01.01.2026).

² Цит. по: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73754> (дата обращения: 01.01.2026).

вошедшие в состав РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунов А.А., Терентьев В.А. Инфраструктура государства: типология, функции, особенности // Вестник Российской нации. 2025. № 2. С. 101–112.

REFERENCES

1. Gorbunov A.A., Terentjev V.A. The infrastructure of the state: typology, functions, features [*Infrastruktura gosudarstva: tipologija, funkcii, osobennostii*] // Bulletin of Russian nation. 2025. No. 2. P. 101–112.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

REGIONAL SOCIOLOGY

РОЖКОВА Лилия Валерьевна
доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
«Социология, экономическая
теория и международные
процессы», Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
mamaeva_lv@mail.ru

ROZHKOVA Lilia Valeryevna
Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of
Sociology, Economic Theory and
International Processes,
Penza State University,
Penza, Russia
mamaeva_lv@mail.ru

ДУБИНА Альбина Шагидулловна
кандидат социологических наук,
доцент, доцент, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
Misurin@bk.ru

DUBINA Albina Shagidullovna
candidate of Sociology, Associate
Professor, Penza State University,
Penza, Russia
misurin@bk.ru

ФЕДОРОВ Ярослав Вячеславович
аспирант, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
jaroslav.feodoroff@yandex.ru)

FEDOROV
Yaroslav Vyacheslavovich
postgraduate Student, Penza State
University, Penza, Russia
jaroslav.feodoroff@yandex.ru)

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-114-1-43-51

Анализ влияния молодежных объединений на социальную активность молодежи Пензенской области / Analysis of the impact of youth units on the social activity of youth in the Penza region

Аннотация

В статье анализируется роль молодежных объединений в формировании и развитии социальной активности молодежи в современной России. На основе обобщения эмпирических данных российских социологических исследований рассматриваются уровни вовлеченности молодежи в общественную деятельность, мотивационные факторы, институциональные формы социальной активности. Также в статье рассматривается роль молодежных объединений в формировании и развитии социальной активности молодежи в современной России. Обосновано, что молодежные объединения выступают важнейшим институтом социализации,

гражданского воспитания и профилактики девиантных форм поведения. Показано, что участие в молодежных организациях способствует формированию гражданской идентичности, ответственности и социальной. Делается вывод о значении молодежных организаций как ключевого ресурса социализации и гражданского становления.

Ключевые слова

Молодежь; социальная активность; молодежные объединения; гражданское общество; социализация.

Abstract

The article analyzes the role of youth associations in the formation and development of youth social activity in modern Russia. Based on the generalization of empirical data from Russian sociological studies, the article examines the levels of youth involvement in social activities, motivational factors, and institutional forms of social activity. The article also explores the role of youth associations in the formation and development of youth social activity in modern Russia. It is argued that youth associations are an important institution for socialization, civic education, and the prevention of deviant behavior. The article demonstrates that participation in youth organizations contributes to the development of civic identity, responsibility, and social engagement. The article concludes that youth organizations are a key resource for socialization and civic development.

Keywords

Youth; social activity; youth associations; civil society; and socialization.

Современное российское общество характеризуется сложными процессами социальной трансформации, затрагивающими ценностные ориентиры, модели поведения и формы социальной активности молодежи. В этих условиях молодежные объединения выступают важным социальным институтом, способствующим интеграции молодежи в общественную жизнь, формированию гражданской идентичности и развитию социальной ответственности.

Поэтому в условиях трансформации социально-политической системы современного российского общества особое значение приобретает проблема формирования социальной активности молодежи. Молодежь выступает стратегическим ресурсом социального развития, носителем инновационного потенциала и основным субъектом будущих социальных изменений. В данном контексте молодежные объединения представляют собой важнейший социальный институт, способствующий формированию социальной активности, гражданской ответственности и социального капитала молодежи¹.

¹ По данным российских социологических исследований, уровень Истинный молодой патриот: по материалам социологического исследования / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина, О. В. Сальникова, С. А. Влазнева // Вестник Биомедицина и социология. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 49-53. – DOI 10.26787/nydha-2618-8783-2020-5-4-49-53.

социальной активности молодежи остается противоречивым: с одной стороны, фиксируется рост участия в волонтерстве, общественных проектах и онлайн-инициативах, с другой — сохраняется низкая степень институционализованного гражданского участия и политической вовлеченности [5].

Социальная активность молодежи рассматривается как интегральная характеристика социальной субъектности личности, включающая мотивационные, поведенческие и ценностные компоненты. Молодежные объединения обеспечивают институциональную основу для развития социальной активности, формируя устойчивые модели коллективного взаимодействия и социального участия.

Также социальная активность рассматривается как совокупность форм общественного участия личности, направленных на преобразование социальной среды. И.В. Троцук и К.Г. Сохадзе выделяют следующие структурные компоненты социальной активности молодежи: мотивационный, поведенческий, ценностно-нормативный и институциональный [11, 13].

Молодежные объединения выступают ключевым социальным институтом, обеспечивающим трансляцию социальных норм, формирование коллективной идентичности и развитие гражданской ответственности¹.

Так, согласно данным, ВЦИОМ исходя из анализа социальной активности молодежи, наибольшую вовлеченность молодежь демонстрирует в волонтерской деятельности и социальном проектировании. При этом почти 40% молодых людей сохраняют социальную пассивность (таблица 1)².

Таблица 1- Формы социальной активности молодежи в России (%)

Волонтерство	32
Участие в молодежных объединениях	27
Социальные проекты	21
Политическое участие	14
Экологические акции	19
Отсутствие активности	38

¹ Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-rossiyskoy-molodezhi-masshtaby-i-factory-sderzhivaniya> (дата обращения: 13.02.2026).

² Волонтерство в России: мониторинг. Отчет ВЦИОМ от 23.07.2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring?ysclid=mlkul7xl8y190750329> (дата обращения: 11.02.2026)

Исходя из целей и формата социальной активности, различаются и типы ее участников. Согласно данным ФОМ, россиян по степени вовлеченности в добровольческую активность можно разделить на три группы: волонтеров отличает интенсивное участие в добровольчестве и активная гражданская позиция (в течение последнего года они хотя бы раз участвовали в деятельности некоммерческих организаций, работали волонтерами, участвовали в массовых акциях, демонстрациях, забастовках, митингах, шествиях или в работе профессиональных сообществ, профсоюзов); активисты более спонтанно и нерегулярно, по сравнению с волонтерами, участвуют в социальных инициативах, причем их гражданское участие локализовано на ближней социальной дистанции (в течение последнего года им приходилось заниматься общественными проблемами по месту жительства и помогать незнакомым людям); «обыватели», судя по говорящему названию данной категории, наименее социально активны, вернее, они готовы помогать и объединяться только ради своего ближайшего окружения (друзья, коллеги, соседи, хорошие знакомые и пр.). К данным трем группам относятся те, кто хотя бы минимально задействован в добровольчестве, тогда как остальные респонденты были разделены на две группы: те, кто каждый день пользуется Интернетом, т.е. «web-обыватели», и «аутсайдеры» — не включены ни в какие форматы социального взаимодействия [1].

Молодежные объединения играют значимую роль в формировании социальной активности. В первую очередь они способствуют развитию гражданской идентичности. Также создают условия для формирования социальных компетенций. Способствуют социализации и профилактике девиантного поведения. Наконец, повышают социальную мобильность молодых россиян [12].

Исследования А.Д. Пилипенко подтверждают, что молодежные объединения усиливают уровень гражданской активности в 1,6–2 раза по сравнению с неорганизованной молодежью [9].

Согласно социологическому анализу мотивации участия молодежи среди основных мотивов молодые россияне выделяют: самореализацию 48%; социальную значимость 41%; коммуникативные потребности 37% и профессиональную ориентацию 29%. Формирование данных мотивационных установок напрямую связано с деятельностью молодежных организаций, создающих условия для практической реализации социальной активности.

Как показал анализ, к числу проблем функционирования молодежных объединений можно отнести низкую информированность молодежи; формализация деятельности; ограниченность финансирования и слабую интеграцию с образовательными институтами [3].

По данным исследований, только 23% молодежи хорошо информированы о возможностях участия в молодежных организациях.

В качестве перспективных направлений развития можно выделить

развитие проектной деятельности; институциональную поддержку волонтерства; цифровизацию молодежных объединений; интеграцию с образовательными программами и формирование молодежных социальных лифтов [4].

Для проведения анализа эффективности деятельности молодежных общественных организаций в жизни молодого населения Пензенской области авторами было проведено социологическое исследование путем анкетного опроса среди участников кадрового резерва общественного молодежного совета Пензенской области.

В рамках проведенного опроса рассматривались преимущества и недостатки членства в молодежных общественных организациях, были выявлены мотивы участия молодежи и перспективы развития организаций. Всего было опрошено 91 человек из числа участников кадрового резерва Общественного молодежного совета Пензенской области. Географией исследования были охвачены г. Пенза и область.

Социальные портреты участников опроса схожи между собой: преимущественно это представители возрастной категории 18-20 лет (50 %), с неоконченным высшим образованием – 70 %.

На вопрос о пользе деятельности молодежных общественных объединений были получены ответы: развитие навыков лидерства, командных навыков, формирование мировоззрения и нетворкинг (Рисунок 1).

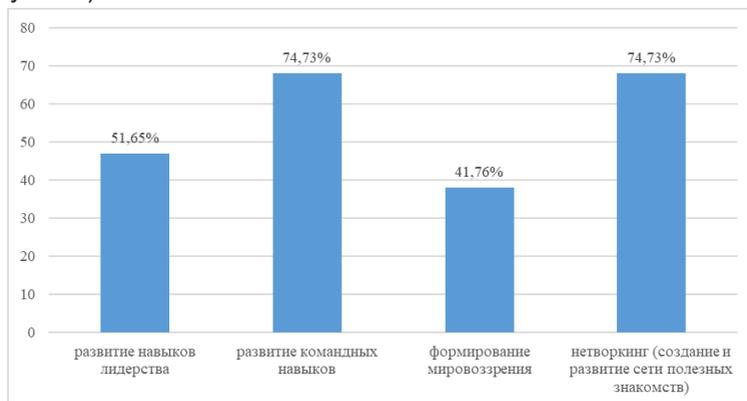

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В чем, по Вашему мнению, заключается польза деятельности молодежных общественных объединений» (в %, n=91, многовариантные ответы)

По мнению опрошенных членство в молодежных общественных объединениях позволяет развивать лидерские навыки (51,65%), навыки командной работы (74,73%), создавать и развивать сети полезных знакомств (74,73%). Наименее популярным преимуществом

членства в молодежных общественных объединениях является формирование мировоззрения, его отметили 41,75% опрошенных. Таким образом, молодежные общественные объединения служат площадкой для деловых знакомств и влияют на социализацию, личностное становление участников.

В рамках проведенного исследования респондентам было предложено выбрать предпочтительные, по их мнению, направления деятельности молодежных общественных объединений. Как показал анализ полученных данных, к разряду наиболее перспективных направлений по мнению молодежи были отнесены культурно-просветительское (39,1%), волонтерское (27,47% опрошенных), общественно-политическое (26,4%), патриотическое (10,3%).

Анкетирование предполагало также открытые вопросы для получения более развернутых ответов целевой группы. На вопрос: «Какие молодежные общественные объединения Вы знаете?» были получены следующие ответы. «Молодая Гвардия», «Молодежка Народного фронта», «Большая перемена», «Движение первых», «ОМС». При этом 95,3% опрошенных отметили, что молодежные общественные организации приносят пользу обществу.

В рамках проведенного исследования респондентам было предложено оценить основные трудности, с которыми приходится сталкиваться в ходе участия в молодежных общественных объединениях. Как показал анализ полученных данных, к основным трудностям по мнению молодых людей относятся сложности финансирования (50,5%), кадровые вопросы (41,8%), слабую активность молодежи (61,5% опрошенных), отсутствие нормативно-правовой базы (20,9% опрошенных), разногласия с местным муниципалитетом (23,1%), внутренние разногласия (22%).

Таким образом, роль молодежных общественных объединений в развитии молодежи заключается в предоставлении возможностей творческого, профессионального и личностного развития, активном вовлечении в общественные процессы и, как следствие, формирование четкой гражданской позиции.

Анализ эмпирических данных показывает, что участие в молодежных объединениях существенно повышает уровень социальной активности. Наиболее распространенными формами активности выступают волонтерская деятельность, социальное проектирование и участие в общественных инициативах. Полученные данные подтверждают значимую роль молодежных объединений в формировании социальной активности. В то же время сохраняются барьеры институционального, информационного и ресурсного характера, ограничивающие массовое вовлечение молодежи.

Молодежные объединения являются ключевым фактором развития социальной активности молодежи, способствующим формированию гражданской позиции, социальной ответственности

и социальной мобильности. Перспективным направлением является расширение институциональной поддержки и развитие цифровых форм молодежного участия.

Молодежные объединения выступают важнейшим фактором развития социальной активности молодежи, выполняя функции социализации, гражданского воспитания и профилактики девиантного поведения. Эмпирические данные российских исследований подтверждают, что участие в молодежных организациях способствует формированию социальной ответственности, гражданской идентичности и социальной компетентности.

Развитие молодежных объединений должно рассматриваться как стратегическое направление государственной молодежной политики и институционального развития гражданского общества в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акторы добровольчества. Опрос ФОМ от 2014 г. URL: // <http://fom.ru/TSennosti/11663>. (дата обращения: 11.02.2026)

2. Волонтерство в России: мониторинг. Опрос ВЦИОМ от 23.07:2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring?ysclid=mlkul7xl8y190750329> (дата обращения: 11.02.2026)

3. Грузина Ю. М., Фатов И. С. Особенности создания молодежных общественных объединений на базе образовательных организаций как структур общероссийских и межрегиональных организаций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 42-45. DOI 10.23672/SAE.2023.90.25.001.

4. Гуляихин В. Н. Молодежные и детские общественные объединения как субъекты вторичной социализации: опыт регионального исследования // Социологические исследования. 2022. № 6(338). С. 127-132.

5. Рожкова, Л. В. Структура и динамика патриотических ценностей современной студенческой молодежи / Л. В. Рожкова, О. В. Сальникова, А. Ш. Дубина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1(65). С. 76-88. DOI 10.21685/2072-3016-2023-1-8. EDN TZJKYL.

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная активность молодежи в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2019.

7. Истинный молодой патриот: по материалам социологического исследования / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина, О. В. Сальникова, С. А. Влазнева // Вестник Биомедицина и социология. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 49-53. – DOI 10.26787/nydha-2618-8783-2020-5-4-49-53. – EDN QCELTN.

8. Москалев А.Е. Провластные и оппозиционные молодежные общественные объединения: критерии эффективности влияния // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – №4.

9. Пилипенко А.Д. Молодежные общественные объединения в социально-политических процессах современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2021. – Т.23. – №1. – С. 172–185.

10. Родина О.А. Молодежные общественные объединения в

современной России: социологический анализ эффективности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2006.

11. Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-rossiyskoy-molodezhi-masshtaby-i-factory-sderzhivaniya> (дата обращения: 13.02.2026).

12. Суслопаров, Л. А. Тенденции развития молодежных общественных объединений в Кировской области / Л. А. Суслопаров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11-2(98). С. 128-131. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-11-2-128-131. – EDN TCTWVD.

13. Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. №2. С. 112–126.

REFERENCES

1. Actors of volunteerism. FOM survey from 2014 URL: // <http://fom.ru/TSennosti/11663> . (date of access: 02/11/2026)

2. Volunteering in Russia: monitoring. VTSIOM poll dated 07/23/2025 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring?ysclid=mlkul7xl8y190750329> (accessed: 02/11/2026)

3. Gruzina Yu. M., Fatov I. S. Features of the creation of youth public associations based on educational organizations as structures of all-Russian and interregional organizations // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. No. 4. pp. 42-45. DOI 10.23672/SAE.2023.90.25.001.

4. Gulyaikhin V. N. Youth and children's public associations as subjects of secondary socialization: experience of regional research // Sociological research. 2022. No. 6(338). pp. 127-132.

5. Rozhkova, L. V. The structure and dynamics of patriotic values of modern student youth / L. V. Rozhkova, O. V. Salnikova, A. S. Dubina // News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2023. No. 1(65). pp. 76-88. DOI 10.21685/2072-3016-2023-1-8. EDN TZJKYL.

6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Social activity of youth in modern Russia. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2019.

7. A true young patriot: based on the materials of a sociological study / L. V. Rozhkova, A. S. Dubina, O. V. Salnikova, S. A. Vlazneva // Bulletin of Biomedicine and Sociology. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – pp. 49-53. – DOI 10.26787/nydha-2618-8783-2020-5-4-49-53. – EDN QCELTN.

8. Moskalev A.E. Pro-government and opposition youth public associations: criteria for effective influence. Znanie. Understanding. Ability. – 2011. – №4.

9. Pilipenko A.D. Youth public associations in the socio-political processes of modern Russia // Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science. – 2021. – Vol.23. – No. 1. – pp. 172-185.

10. Rodina O.A. Youth public associations in modern Russia: sociological analysis of effectiveness: abstract of the dissertation of the

candidate. social sciences. – Yekaterinburg, 2006.

11. Sokhadze K. G. Social activity of Russian youth: scale and deterrence factors // Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology. 2017. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-rossiyskoy-molodezhi-masshtaby-i-factory-sderzhivaniya> (date of request: 02/13/2026).

12. Susloparov, L. A. Trends in the development of youth public associations in the Kirov region / L. A. Susloparov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 11-2(98). pp. 128-131. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-11-2-128-131. – EDN TCTWVD.

13. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Social activity of youth: approaches to assessment // Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology. 2016. No. 2. pp. 112-126.

*ЯМАЛЕТДИНОВ Марсель Игоревич
младший научный сотрудник
ГАУ Центр гуманитарных
исследований Министерства
культуры Республики
Башкортостан,
соискатель, Уфимский
университета науки и
технологий, Республика
Башкортостан, Россия
yamalmarse@mail.ru*

*YAMALETDINOV Marsel Igorevich
Junior Research Fellow,
State Autonomous Institution
“Center for Humanities Research”
of the Ministry of Culture
of the Republic of Bashkortostan,
PhD candidate, Ufa University of
Science and Technology, Republic
of Bashkortostan, Russia
yamalmarse@mail.ru*

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-114-1-52-61

**Формирование цифровой этнической идентичности
в Башкортостане: тематические доминанты,
ретранслируемые образы и поведенческая реакция
аудитории / The formation of digital national identity in
Bashkortostan: thematic dominants, transmitted images,
and audience behavioral response**

Аннотация

В статье анализируются механизмы цифрового воспроизводства этнической идентичности в полиэтничном регионе на примере Республики Башкортостан. Эмпирическую основу исследования составляют материалы более 20 тысяч публикаций башкирских, татарских и русских этнокультурных сообществ социальной сети «ВКонтакте» за период 2022–2025 годов, а также данные репрезентативного социологического опроса населения республики, проведённого в 2025 году. Теоретико-методологическая рамка исследования объединяет концепцию повседневного национализма, этносимволистский и конструктивистский подходы к анализу этнической идентичности. В работе применяется комбинированный этносимволико-дискурсивный анализ, включающий тематическое кодирование цифрового контента и расчёт показателей вовлечённости аудитории (ER). В результате выявлены три устойчивые модели цифровой этнической идентичности: этносимволическая (башкирские сообщества), культурно-повседневная (татарские сообщества) и гражданско-политическая (русские сообщества). Показано, что наибольшую вовлечённость аудитории вызывают те образы и тематические сюжеты, которые соотносятся с базовыми формами самоидентификации соответствующих этнических групп. Сделан вывод о том, что цифровая среда выступает не только каналом трансляции этничности, но и самостоятельным пространством её структурирования и воспроизводства, тесно связанным с офлайн-

установками населения региона.

Ключевые слова

Цифровая этническая идентичность; повседневный национализм; этносимволизм; социальные сети; интернет-сообщества; вовлечённость аудитории.

Abstract

This article examines the mechanisms of digital reproduction of ethnic identity in a polyethnic region, using the Republic of Bashkortostan as a case study. The empirical basis of the study includes materials from more than 20,000 posts published in Bashkir, Tatar, and Russian ethno-cultural communities on the VKontakte social network during the period 2022–2025, as well as data from a representative sociological survey of the republic's population conducted in 2025. The theoretical and methodological framework combines the concept of everyday nationalism with ethno-symbolist and constructivist approaches to the analysis of ethnic identity. The study applies a combined ethno-symbolic and discursive analysis, incorporating thematic coding of digital content and the calculation of audience engagement indicators (ER). As a result, three stable models of digital ethnic identity are identified: an ethno-symbolic model characteristic of Bashkir communities, a cultural-everyday model typical of Tatar communities, and a civic-political model prevailing in Russian communities. The findings demonstrate that the highest levels of audience engagement are generated by images and thematic narratives that correspond to the core forms of self-identification of the respective ethnic groups. The article concludes that the digital environment functions not only as a channel for transmitting ethnicity but also as an autonomous space for its structuring and reproduction, closely linked to offline identity orientations of the region's population.

Keywords

Digital ethnic identity; everyday nationalism; ethno-symbolism; social media; online communities; audience engagement.

Сегодня социальные сети стали ключевым пространством, где формируется и проявляется этническая идентичность [9,11]. Это особенно важно для таких полиэтнических регионов, как Башкортостан. Здесь онлайн-среда давно перестала быть просто отражением реальности, превратившись в активный инструмент, который влияет на коллективные представления башкир, татар и русских¹. При этом традиционные методы изучения этничности, основанные на офлайн-практиках, часто не могут уловить новые формы «повседневного национализма», который сегодня разворачивается в

¹ Семенов И.С. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М: Издательство «Весь Мир», 2023. – 512 с.

рамках сегментированных онлайн-сообществах[8].

Однако пока остаётся мало изученным вопрос о том, как именно разные этнические группы в одном регионе используют цифровые платформы для создания своих моделей идентичности. Не хватает сравнительных исследований, которые на большом материале не только описывали бы контент, но и связывали его с реальной реакцией аудитории – лайками, репостами, комментариями. Без этого трудно понять, какие элементы идентичности действительно важны для людей, а какие остаются просто декларацией[10].

Цель данной работы – выявить и сравнить модели цифровой этнической идентичности в этнических онлайн-сообществах Башкортостана, а также определить факторы их различий. Для этого нужно решить несколько задач: разработать схему классификации контента, проанализировать более 20 тысяч публикаций из пабликов ВКонтакте, оценить вовлечённость аудитории с помощью индексов ER и провести сравнительный анализ для построения типологии моделей.

Теоретическая основа строится на синтезе нескольких подходов. Это конструктивистский взгляд на этничность[1], концепция «банальной национализма»[8] и теория этносимволизма[7]. В российском контексте работа опирается на исследования этнической и региональной идентичности [3,5], а также на работы по цифровой этничности и символической политике [2,4].

Научная новизна заключается в следующем. Впервые для Башкортостана проведён масштабный сравнительный анализ цифровых репрезентаций трёх этнических групп на основе 20 тысяч единиц данных. Применена схема, сочетающая тематический анализ с метриками вовлечённости аудитории. Выделены три устойчивые модели цифровой идентичности: этносимволическая (башкирские сообщества), культурно-повседневная (татарские) и гражданско-политическая (русские). Также дана социально-демографическая характеристика аудитории, показавшая её феминизацию и «возрастной сдвиг».

Гипотеза исследования состоит в том, что цифровая среда Башкортостана сегментирована: каждый этнический сегмент формирует свой «тематический режим», и именно контент, попадающий в этот режим, получает максимальный отклик, закрепляя конкретную модель идентичности.

Таким образом, работа помогает понять, как в цифровую эпоху происходит усложнение и сегментация этнической идентичности на региональном уровне, и как онлайн-пространство становится ареной для сосуществования разных её моделей.

В рамках данной статьи базовым аналитическим понятием выступает этническая идентичность, понимаемая как совокупность символических, культурных и повседневных практик, через которые воспроизводится групповая принадлежность в цифровой среде. Использование при этом таких терминов, как «банальный национализм», «национально-культурные организации»,

«национальное движение» и «национальные герои», обусловлено не подменой понятий, а спецификой исследуемого эмпирического материала и устоявшимся языком самих акторов. В данном контексте «национальное» рассматривается не как политико-государственная категория, а как форма публичной артикуляции этничности, закрепившаяся в институциональных названиях, символических репертуарах и дискурсивных практиках. Таким образом, «национальное» в работе используется как уровень репрезентации и самоописания этнической идентичности, тогда как аналитический фокус исследования последовательно сохраняется на этническом измерении идентификационных процессов.

В основу исследования положен комбинированный метод анализа цифровой этничности. Он позволяет рассматривать идентичность не как статичное явление, а как процесс, проявляющийся на нескольких уровнях. Первый уровень – символический. Сюда относится обращение к историческим нарративам, героическим фигурам, языку и образу территории. Второй уровень – повседневный. Он связан с рутинными практиками: культурными событиями, локальными новостями, бытовым общением внутри сообществ. Третий уровень – дискурсивный. Здесь фиксируется обсуждение общественно-политических вопросов и коллективная интерпретация значимых событий. Такое многоуровневое видение помогает описать механизмы поддержания этничности в цифровой среде.

Эмпирическую основу составили материалы десяти открытых сообществ социальной сети ВКонтакте, представляющих три основных этнокультурных сегмента Башкортостана: башкирский, татарский и русский. Всего в анализ вошло более 20 тысяч публикаций, размещенных в период с 2022 по 2025 год. Выборка включает как официальные страницы этнокультурных организаций, так и неформальные сообщества, посвященные истории, культуре и локальной повестке. Это дает возможность увидеть разные форматы выражения идентичности: от институционально одобренных до спонтанно-пользовательских.

Сбор данных осуществлялся с помощью автоматизированных средств, что позволило получить не только тексты публикаций, но и метаданные: показатели просмотров, реакций и репостов. Для анализа контента была разработана категориальная схема, включающая шесть тематических блоков: история и память, культура, религия, язык и образование, политика и общественная жизнь, повседневность. Это позволило количественно оценить, какие темы преобладают в каждом из этнических сегментов и как они соотносятся с вовлеченностью аудитории.

Для контекстуализации цифровых данных в работе использованы результаты социологического опроса, проведенного Центром гуманитарных исследований в 2025 году. Объем выборки составил 1160 человек, она репрезентирует взрослое население республики

по ключевым социально-демографическим параметрам. Данные опроса применяются не как самостоятельный источник, а как фон для интерпретации: они помогают сопоставить онлайн-активность с реальными установками жителей региона.

Следует отметить ограничения исследования. Работа велась исключительно в рамках платформы ВКонтакте, так как другие социальные сети не предоставляют сопоставимого объема структурированных данных. Кроме того, этническая принадлежность аудитории определялась косвенно, через тематику сообществ, что может вносить определенную погрешность. Тем не менее, использованный массив данных позволяет выявлять устойчивые паттерны цифрового поведения, характерные для разных этнокультурных групп Башкортостана.

Анализ более 20 тысяч публикаций в социальных сетях и данных репрезентативного социологического опроса 2025 года позволил выявить ключевые особенности формирования этнической идентичности в цифровой среде Башкортостана. Исследование показывает, что три основных этнических сегмента республики формируют различные тематические модели онлайн-коммуникации.

В башкирских сообществах доминирует историко-символическая повестка. Около 35 процентов публикаций посвящены истории, национальным героям и вопросам территориальной принадлежности. Особое место занимают материалы, связанные с образом Салавата Юлаева, который выступает ключевой символической фигурой башкирского национального движения, представленной как символ свободы, сопротивления и коллективной субъектности. Также значительное внимание уделяется образам батыра, воина и защитника земли, что подчеркивает связь этничности с военной доблестью и правом на территорию. Историческая память активно воспроизводит вклад башкир в Отечественную войну 1812 года, где образы башкирских конных полков и «северных амуров» выступают символами воинской традиции. Исторические периоды, к которым наиболее часто обращаются, связаны с XVIII–XIX веками, эпохой восстаний и формирования отношений с российским государством.

Татарские сообщества сосредоточены на культурно-повседневной тематике. Суммарно около 60 процентов контента составляют материалы о культуре, языке, традициях и повседневной жизни. Центральное место здесь занимают образы, связанные с литературным наследием, прежде всего с фигурой Габдуллы Тукая, который повсеместно представлен как символ татарской культуры, языка и просветительской традиции. Не менее значимым является образ мечети, который выступает не только как религиозный символ, но и как элемент культурного ландшафта и повседневной идентичности. Историческая память чаще связана с поздним имперским и советским периодами и осмысливается через призму сохранения языка, культуры и институциональных форм автономии. Этничность в этом сегменте

представляется преимущественно как повседневная культурная практика, поддерживаемая через образование, язык и деятельность национально-культурных организаций.

Русские сообщества демонстрируют гражданско-политическую направленность. Примерно 40 процентов публикаций посвящены вопросам политики, общественной жизни и гражданской активности. Этот сегмент акцентирует цивилизационные и культурные достижения, часто сочетая этническую идентичность с гражданской. Культурный репертуар русского сегмента строится вокруг образов известных деятелей, чьё творчество связано с регионом. Среди них выделяются писатель Сергей Аксаков, певец Фёдор Шаляпин и художник Михаил Нестеров, которые представляются как символы художественного, литературного и музыкального вклада в общероссийскую культуру. Также значимое место занимают сюжеты, связанные с освоением земель и промышленным развитием Урала. Регулярно воспроизводятся образы известных купеческих семей, таких как Твердышевы и Мясниковы, через которые подчёркивается созидательный и цивилизационный характер русской идентичности в регионе. Образ православной церкви используется как маркер исторической преемственности и духовного порядка.

Важным объединяющим символом для всех трех групп выступает память о Великой Отечественной войне, которая формирует общее мемориальное пространство и служит основой для согласования этнической и гражданской идентичности.

Анализ поведенческих показателей подтвердил значимость выявленных тематических моделей. Наибольший уровень вовлеченности в рамках анализируемой выборки наблюдается в башкирских сообществах, где публикации историко-символического характера демонстрируют ER по просмотрам более 8 процентов. В татарских сообществах пиковые показатели вовлеченности в 6-7 процентов характерны для контента о культурных событиях и традициях. Русские сообщества наиболее активно реагируют на публикации общественно-политического характера с показателем ER 5-6 процентов.

Результаты социологического опроса 2025 года показывают высокий уровень гражданской идентичности в регионе. Общегражданская идентичность зафиксирована на уровне 82,5 процента, что на 9,4 процентных пункта выше показателя 2021 года. Региональная идентичность выражена еще сильнее 88,4 процента. Важнейшими факторами, объединяющими жителей республики со всеми россиянами, являются общая территория 55,1 процента, культура и праздники 36,6 процента, традиции и обычаи 32,2 процента, язык 30,1 процента и историческое прошлое 29,5 процента.

В целом полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о сегментированности цифрового пространства Башкортостана. Каждый этнический сегмент формирует

специфическую модель идентичности, которая находит подтверждение как в цифровых практиках, так и в офлайн-установках населения. Эти модели существуют параллельно, демонстрируя разные способы конструирования и поддержания этнической идентичности в современном цифровом обществе.

Целью данного исследования было выявить и сравнить модели цифровой этнической идентичности в этнических онлайн-сообществах Республики Башкортостан, а также определить факторы, которые влияют на различия между ними. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что поставленная цель достигнута, а все задачи исследования в целом решены.

В ходе работы была разработана схема анализа цифрового контента, основанная на комбинированном этносимволико-дискурсивном подходе. Она позволила рассматривать цифровую этничность как многоуровневый процесс, включающий символические образы, повседневные культурные практики и общественно-политические дискурсы. Использование данной схемы дало возможность систематизировать большой массив материалов и обеспечить сопоставимость полученных данных.

В рамках исследования был проанализирован массив из более чем 20 тысяч публикаций башкирских, татарских и русских сообществ социальной сети «ВКонтакте» за период 2022–2025 годов. Анализ показал заметные различия в тематических акцентах. В башкирских сообществах преобладает историко-символическая и героико-мемориальная тематика, на которую приходится около 35 процентов контента. В татарских сообществах основное внимание уделяется культуре, языку и повседневным формам общинной жизни, что составляет примерно 60 процентов публикаций. В русских сообществах значительную долю, около 40 процентов, занимают темы политики и общественной жизни. Это говорит о том, что этничность в цифровой среде воспроизводится по-разному даже в рамках одного региона.

Отдельное внимание было уделено анализу вовлеченности аудитории. Расчет показателей ER показал, что пользователи активнее всего реагируют на контент, соответствующий основной тематике их сообщества. В башкирских пабликах наибольший отклик вызывают публикации об истории и символах, где ER по просмотрам превышает 8 процентов. В татарских сообществах максимальная вовлеченность, на уровне 6–7 процентов, фиксируется на материалах о культуре, традициях и праздниках. В русских сообществах наиболее высокий отклик, около 5–6 процентов, характерен для публикаций общественно-политического характера. Это свидетельствует о том, что аудитория сама участвует в поддержании своей модели идентичности.

На основе сравнительного анализа была построена типология моделей цифровой этнической идентичности. В башкирском сегменте сформировалась этносимволическая модель, связанная

с историческими героями, территорией и коллективной памятью. Татарский сегмент демонстрирует культурно-повседневную модель, ориентированную на язык, традиции и регулярные практики культурного воспроизводства. В русском сегменте преобладает гражданско-политическая модель, в рамках которой этническая идентичность считается с общественной активностью и гражданской известностью.

Сопоставление цифровых данных с результатами репрезентативного социологического опроса 2025 года показало, что выявленные модели не противоречат офлайн-структуре идентичности населения региона. Высокие уровни гражданской и региональной идентичности сочетаются с устойчивым воспроизводством этнокультурных различий. Основными факторами этих различий являются исторический опыт этнических групп и особенности их включенности в социальную и общественную жизнь региона. Важную объединяющую роль здесь играет общее мемориальное пространство, прежде всего память о Великой Отечественной войне.

В целом исследование показывает, что цифровая среда Башкортостана является важным пространством формирования и воспроизводства этнической идентичности. Онлайн-коммуникации выступают не просто отражением офлайн-процессов, а самостоятельным фактором, который позволяет сохранять этнокультурное разнообразие и одновременно вписывать его в рамки региональной и общероссийской идентичности.

Полученные результаты могут быть использованы при мониторинге межнациональных отношений и разработке цифровых коммуникационных стратегий в сфере национальной политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брубейкер, Р. Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.
2. Денисов, А. Е. Хештеги, нарративы и банальный национализм (на примере крышенского движения) / А. Е. Денисов // Политическая наука. — 2021. — № 3. — С. 161-182.
3. Дробижева, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л. М. Дробижева. — М: Новый хронограф, 2013. — 336 с.
4. Малинова, О. Ю. Введение. Символическая политика и политика памяти / О. Ю. Малинова, А. И. Миллер // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе, Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2019 года / под редакцией В. В. Лапина и А. И. Миллера. — Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2021. — С. 7-37.
5. Назукина, М. В. Поздравительный дискурс «Дня республики» как компонент региональной политики идентичности: этничность имеет значение? / М. В. Назукина, Е. Ю. Филиппова // *Ars Administrandi* (Искусство управления). — 2019. — Т. 11, № 3. — С. 345-359.

6. Семенов И.С. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М: Издательство «Весь Мир», 2023. – 512 с.
7. Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор со временных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. — М.: Праксис, 2004. — 464 с.
8. Billig, M. (1995) Banal Nationalism. London: Sage. – 200 p.
9. Castells M. Communication Power. Oxford: Oxford University Press, 2009. – 590 p.
10. Fox J., Miller-Idriss C. Everyday nationhood // Ethnicities. 2008. Vol. 8, no. 4. P. 536–563.
11. van Dijck J. The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 228 p.

REFERENCES

1. Brubaker, R. Ethnicity without groups [*E`tnichnost` bez grupp*] [Text] / translated from English by I. Borisova; National research. University of Higher School of Economics, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012– 408 p.
2. Denisov, A. E. Hashtags, narratives and banal nationalism (on the example of the Kryashen movement) [*Xeshteggi, narrativy` i banal`ny`j nacionalizm (na primere kryashenskogo dvizheniya)*] / A. E. Denisov // Political Science. - 2021. – No. 3. – pp. 161-182.
3. Drobizheva, L. M. Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. 20 years of experience [*E`tnichnost` v social`no-politicheskoy prostranstve Rossijskoj Federacii*] / L. M. Drobizheva. Moscow: Novy chronograf, 2013. 336 p.
4. Malinova, O. Y. Introduction. Symbolic Politics and the Politics of memory [*Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati*] / O. Y. Malinova, A. I. Miller // Symbolic aspects of memory politics in Modern Russia and Eastern Europe, St. Petersburg, November 11-12, 2019 / edited by V. V. Lapin and A. I. Miller. – St. Petersburg: Autonomous Non-profit educational Organization of Higher Education "European University in St. Petersburg", 2021. – pp. 7-37.
5. Nazukina, M. V. The guiding discourse of the "Republic Day" as a compiler of regional policy is identical: is it possible to find meaning? / M. V. Nazukina, Nazukina, E. E. Filipova // Ars of administration (Art of management). – 2019. – Vol. 11, No. 3. – pp. 345-359.
6. Semenenko I.S. Identity: personality, society, politics. New contours of the research field [*Identichnost`: lichnost`, obshchestvo, politika. Novy`e kontury` issledovatel`skogo polya*] / Ed. by I.S. Semenenko / IMEMO RAS. Moscow: Publishing house "The Whole World", 2023. 512 p.
7. Smith, Anthony D. Nationalism and Modernism: A Critical Review of Modern Theories of Nations and Nationalism [*Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor so vremenny`x teorij nacij i nacionalizma*] / Translated from English by A.V. Smirnov, Yu. M. Filippova, E. S. Zagashvili, et al.— Moscow: Praxis, 2004— 464 p.
8. Billig, M. (1995) Banal nationalism. London: Sage. – 200 p.
9. Castells M. The power of communication. Oxford: Oxford University Press, 2009. – 590 p.

ty Press, 2009. – 590 p.

10. Fox J., Miller-Idris S. Everyday statehood // *Ethnicity*. 2008. Volume 8, No. 4. pp. 536-563.

11. van Dijk J. *Culture of Interaction: a Critical history of social networks*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 228 p.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

ДЕМИДОВ Николай Николаевич
кандидат философских наук,
профессор, Волгоградская
Академия МВД России,
Волгоград, Россия
demidovnick@yandex.ru

DEMIDOV Nikolai Nikolaevich
candidate of Philosophy, Professor,
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
demidovnick@yandex.ru

DOI: 10.30932/2072-6015-2025-114-1-62-69

Применение языковых моделей искусственного интеллекта при изучении общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (социологические аспекты) / Application of artificial intelligence language models in the study of public opinion on the activities of internal affairs bodies (sociological aspects)

Аннотация

В статье анализируются возможности применения языковых моделей искусственного интеллекта для изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних. Рассматриваются различные методологические подходы социологических исследований с акцентом на особую значимость комбинированных методов. Особое внимание уделяется сентимент-анализу как одному из современных инструментов, позволяющему выявлять эмоциональную окраску высказываний и оперативно оценивать общественное восприятие различных аспектов работы правоохранительных органов. Описываются преимущества и ограничения применения ИИ-моделей, а также выделяются ключевые направления для будущих исследований в этой области.

Ключевые слова

Общественное мнение; органы внутренних дел; языковые модели искусственного интеллекта; сентимент-анализ; комбинированные методы социологии.

Abstract

The article analyzes the possibilities of using artificial intelligence language models to study public opinion about the activities of internal affairs bodies. It examines various methodological approaches of sociological research, emphasizing the importance of combined methods. Special attention is given to sentiment analysis as a modern tool that allows for identifying the emotional content of statements and promptly assessing

public perception of various aspects of law enforcement. The article describes the advantages and limitations of using AI models, and highlights key areas for future research in this field.

Keywords

Public opinion; internal affairs agencies; artificial intelligence language models; sentiment analysis; combined sociological methods.

Введение

Изучение общественного мнения о деятельности органов внутренних дел в современной России и за рубежом привлекает повышенное внимание исследователей и практиков.

Развитие цифровых технологий и социальных медиа, а также возрастание неопределенности и динамики общественных настроений обострили дискурс о роли и деятельности ОВД, что делает актуальным поиск новых инструментов анализа. В этом контексте искусственный интеллект (ИИ) и, в частности, языковые модели, (например BERT и GPT), выступают эффективными средствами для обработки больших массивов текстовой информации и выявления тематических и эмоциональных трендов.

Цель настоящего исследования заключается в анализе возможностей и ограничений применения языковых моделей ИИ при изучении общественного мнения о деятельности ОВД, а также оценки их перспективного использования в сочетании с традиционными социологическими методами.

Обзор литературы

Проблематика общественного мнения о работе органов внутренних дел активно обсуждается в социологических и политологических исследованиях, что подтверждается рядом работ, рассматривающих различные аспекты этой проблемы.

Большинство публикаций на эту тему фокусируются на количественных методах исследования – социологических опросах и интервью [2]. Вместе с тем появление и распространение цифровых платформ открывает доступ к качественным данным, анализ которых стал возможен и эффективен благодаря методам машинного обучения и языковым моделям.

Ряд исследований демонстрирует потенциал ИИ для анализа общественного мнения. Так, Питерова А. Ю. рассматривает текущее состояние развития технологий искусственного интеллекта и особенности их применения в различных областях [6]. Казакова А. Ю. показывает, как алгоритмы машинного обучения используются для сентимент-анализа в медиамониторинге, подчеркивая их способности выявлять эмоциональную окраску высказываний и влиять на интерпретацию общественных настроений [4]. В исследованиях, посвященных вопросам безопасности и деятельности ОВД, Браун и соавторы иллюстрируют применение моделей типа BERT для выделения тематических блоков

и анализа настроений в крупных текстовых массивах, отмечая рост точности и скорости обработки данных по сравнению с традиционными подходами [8].

Вместе с тем в литературе подчеркиваются и ограничения применения языковых моделей: Семенова М.О. указывает на трудности с учетом контекстуальных, культурных и социологических нюансов, которые модели не всегда способны распознать [7]. Это подчеркивает необходимость комбинирования автоматизированных методов с экспертным контекстуальным анализом и качественными социологическими подходами.

В ряде исследований акцентируется внимание на этических аспектах применения технологий искусственного интеллекта. Так, Вячистов В. М. и Шафажинская Н. Е. указывают на широкие возможности ИИ по генерации разнообразных сообщений, которые могут оказывать манипулятивное воздействие на массовую аудиторию [3]. Былевский П. Г. рассматривает потенциально серьезные негативные последствия внедрения технологий ИИ: недобросовестную конкуренцию, причинение морального ущерба, подмену социальнойкультурной идентичности и разрушение традиционных ценностей [1].

Современные методы исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел

В контексте изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел важно применять широкий спектр методологических приемов, обеспечивающих комплексный анализ. Традиционно исследователи используют количественные и качественные методы; менее распространенными, но наиболее информативными являются комбинированные дизайны, сочетающие оба подхода.

Изучение общественного мнения о деятельности полиции должно опираться на многослойную методологию, учитывающую социальный, культурный и экономический контексты, а также индивидуальный опыт граждан. Комбинированный подход обеспечивает: получение репрезентативной картины посредством количественных исследований (массовые опросы), дающих статистически обоснованные оценки распределения мнений; более глубокое понимание мотивов и смыслов через качественные методы (интервью, фокус-группы), позволяющие выявить скрытые проблемы и сложные тематические пласты, трудноуловимые чисто количественными методами. Инструменты ИИ выступают важным дополнением к традиционной методологии: они позволяют эффективно обрабатывать и анализировать большие объемы текстовых и цифровых данных (медийные публикации, сообщения в соцсетях, обращение граждан), что расширяет возможности тематического анализа общественных настроений.

Одним из современных методов социологического исследования выступает сентимент-анализ - метод автоматизированной

обработки естественного языка (NLP), предназначенный для выяснения эмоциональной окраски текстов (позитивной, негативной, нейтральной). В прикладных исследованиях, посвященных оценке деятельности органов внутренних дел, сентимент-анализ позволяет оперативно обрабатывать большие массивы данных из социальных сетей, новостных публикаций, и обращений граждан, что расширяет возможности мониторинга общественных настроений и их динамики.

Ключевыми компонентами сентимент-анализа являются: определение тональности информации – классификация высказываний по эмоциональной полярности; идентификация упоминаемых в текстах объектов (полиция, конкретные инциденты, законодательные инициативы и т.п.); оценка интенсивности эмоций - измерение силы эмоциональной реакции, что позволяет дифференцировать слабое недовольство или острое возмущение.

Сентимент-анализ применим при анализе различных источников информации: посты и комментарии в социальных сетях (VK, Telegram и т.д.), новостные материалы и пользовательскую обратную связь (комментарии на официальных ресурсах и тематических форумах). Анализ новостного контента позволяет оценивать, как СМИ представляют проблемы, связанные с полицией, и как это влияет на общественное мнение, а комментарии к постам на сайте полиции или в общественных форумах могут предоставить представление о мнениях граждан.

Сентимент-анализ реализуется с помощью двух основных классов методических приемов. Первый – лексиконные подходы, основанные на заранее составленных словарях с оценкой эмоциональной окраски (например, AFINN-ru, SentiWordNet, VADER). Эти методы просты в применении и эффективны для быстрой обработки текстов, не требовательны к ресурсам, хорошо работают при ограниченных данных. Но плохо учитывают синтаксический контекст, слабо справляются с многозначностью, региональной лексикой, неологизмами и требуют регулярного обновления словарей под предметную область. Второй класс, включает методы глубокого обучения – рекуррентные сети (LSTM) и трансформеры (модели семейства BERT), которые достигают более высокой точности за счет учета контекста и семантических связей¹.

Для прикладного мониторинга упоминаний о полиции в социальных сетях доступны такие автоматизированные системы как: Brand24 – инструмент для мониторинга упоминаний в реальном времени с аналитикой тональности; YouScan – профессиональная платформа, позволяющая осуществить сентимент-анализ с акцентом на мониторинг визуального контента и глубокую аналитику; Social Searcher – инструмент способный оценивать упоминания по ключевым словам, хештегам и именам пользователей, с возможностью анализировать

¹ Devlin, J., Chang, M. W., Lee, K., & Toutanova, K. (2019). BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. arXiv preprint arXiv:1810.04805. URL: <https://arxiv.org/pdf/1810.04805> (дата обращения: 15.12.2025).

тональность обсуждений. При использовании таких платформ необходимо учитывать закрытость их алгоритмов, ограниченную прозрачность метрик качества и потребность в адаптации моделей под локальную лексику и тематические особенности.

Рассмотренный метод имеет как ряд преимуществ, так и серьезные ограничения. К достоинствам сентимент-анализа можно отнести возможность обработки больших объемов данных, что позволяет работать с огромными массивами текстов, которые сложно было бы анализировать вручную. Кроме того, данный метод позволяет быстро обнаруживать изменения во мнениях и эмоциях общественности в ответ на события. Результаты сентимент-анализа могут помочь руководителям правоохранительных органов понимать общественные настроения и адаптировать свою стратегию взаимодействия с населением.

Вместе с тем использование сентимент-анализа имеет ряд ограничений и рисков. Так, например алгоритмы могут неправильно интерпретировать значения слов в зависимости от контекста (например, ирония или сарказм). В связи с тем, что язык может быть сложным, многозначным, различные культурные контексты могут внести путаницу в анализ.

Заключение

Языковые модели искусственного интеллекта могут эффективно применяться при изучении общественного мнения о деятельности органов внутренних дел при условии сочетания с традиционными социологическими методами. Использование этих инструментов позволяет обрабатывать большие массивы данных и выявлять скрытые паттерны поведения респондентов.

Вместе с тем, при использовании современных технологий, необходимо учитывать ряд ограничений, связанных с процессом интерпретации полученных результатов, включая сложности, возникающие из-за контекстуальных и культурных особенностей текстов.

Данное исследование подчеркивает важность комплексного подхода к анализу общественного мнения, который предполагает интеграцию количественных и качественных методов. В перспективе для повышения валидности и точности социологических исследований необходимо акцентировать внимание на развитие направлений, связанных с этическими аспектами применения искусственного интеллекта. Кроме того, обратить внимание на аспекты, связанные с рисками манипуляции общественным мнением, которые влияют на достоверность полученных результатов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Былевский П. Г. Философско-культурологический анализ доверия к технологиям «искусственного интеллекта» // Вестник Кемеров-

ского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 68. С. 65–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-kulturologicheskiy-analiz-doveriya-k-tehnologiyam-iskusstvennogo-intellekta?ysclid=mj8s1agowg901299080> (дата обращения: 16.12.2025).

2. Войтов А. В., Демидов Н. Н. Общественное мнение о деятельности полиции как предмет социологического анализа: используемые и перспективные методы и методики исследования // ПООИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2024. Вып. №4 (105). С. 43 – 51.

3. Вячистов В. М., Шафажинская Н. Е. Влияние информационнокоммуникационных технологий и искусственного интеллекта на когнитивные функции // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия прикладных научных дисциплин. 2024. № 1. С. 96–108. URL: <https://vestnik-prd-mgutm.ru/wp-content/uploads/2024/04/8-to-print-96-108-Vyachistov-Shafazhinskaya.pdf> (дата обращения: 16.12.2025).

4. Казакова А.Ю. Сентимент-анализ в медиамониторинге: сферы применения и запрос работодателей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2023. № 2. С. 89–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sentiment-analiz-v-mediamonitore-sfery-primeneniya-i-zapros-rabotodateley?ysclid=mj7ae67tr1206140703> (дата обращения: 15.12.2025).

5. Лукина М. М., Замков А. В., Крашенинникова М. А., Кульчицкая Д. Ю. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 4. С. 680–694. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskih-media-i-zhurnalistike-k-diskussii-ob-eticheskoy-kodifikatsii?ysclid=mj8sg8mvku796198627> (дата обращения: 15.12.2025)

6. Питерова А. Ю. Искусственный интеллект как феномен современного общественного развития (социологический аспект) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13. № 3. С. 108–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-fenomen-sovremennogo-obschestvennogo-razvitiya-sotsiologicheskiiy-aspekt?ysclid=mj8siufbnl940357811> (дата обращения: 15.12.2025).

7. Семенова М. О. Подходы к сентимент-анализу // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 83–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-sentiment-analizu?ysclid=mj8sktyruk524623338> (дата обращения: 15.12.2025).

8. Brown, T., Mann, B., Ryder, N., Subbiah, M., Kaplan, J.D., Dhariwal, P., Amodei, D., *et al.* (2020) Language Models Are Few-Shot Learners. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 33, 1877-1901. URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2020/file/1457c0d6bfc4967418bfb8ac142f64a-Paper.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

9. Devlin, J., Chang, M. W., Lee, K., & Toutanova, K. (2019). BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. arXiv preprint arXiv:1810.04805. URL: <https://arxiv.org/pdf/1810.04805>

(дата обращения: 15.12.2025).

REFERENCES

1. Bylevsky, P.G. (2024). Philosophical and cultural analysis of trust in artificial intelligence technologies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2024; (68):65–77. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-kulturologicheskii-analiz-doveriya-k-tehnologiyam-iskusstvennogo-intellekta?ysclid=mj8s1agowg901299080> (date of access: December 15, 2025).

2. Voytov A.V., Demidov N.N. (2024). Public opinion on police activities as a subject of sociological analysis: used and promising research methods and methods. *P.O.I.S.K.* 2024;(4):43-50. (In Russ.)

3. Vyachistov V.M., Shafazhinskaya N.E. (2024). The impact of information and communication technologies and artificial intelligence on cognitive functions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologiy i upravleniya imeni K.G. Razumovskogo (Pervyy kazachiy universitet). Seriya prikladnykh nauchnykh distsiplin=Bulletin of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University). A series of applied scientific disciplines*. 2024;(1):96–108. (In Russ.). URL: <https://vestnikpnd-mgutm.ru/wp-content/uploads/2024/04/8-to-print-96-108-Вячистов-Шафажинская.pdf> (date of access: December 15, 2025).

4. Kazakova A.Y. (2023). Sentiment analysis in media monitoring : areas of application and employers request. *Socialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]*. – 2023. – N 2 – P. 89–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sentiment-analiz-v-mediamonitorengе-sfery-primeneniya-i-zapros-rabotodateley?ysclid=mj7ae67tr1206140703> (date of access: December 15, 2025).

5. Lukina M.M., Zamkov A.V., Krashennnikova M.A., and Kulchitskaya D.Y. (2022). Artificial intelligence in Russian media and journalism: a discussion on ethical codification. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Questions of the theory and practice of journalism*. 2022; (4):680–694. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskih-media-i-zhurnalistike-k-diskussii-ob-eticheskoy-kodifikatsii?ysclid=mj8sg8mvku796198627> (date of access: December 15, 2025).

6. Piterova A. Y. (2025). Artificial intelligence as a phenomenon of modern social development (sociological aspect). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025; 13(3):108–120. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-fenomen-sovremennogo-obschestvennogo-razvitiya-sotsiologicheskiiy-aspekt?ysclid=mj8siufbn1940357811> (date of access: December 15, 2025).

7. Semenova, M. O. (2022). Sentiment Analysis Approaches. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(867). C. 83–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-sentiment-analizu?ysclid=mj8sktypuk524623338> (date of access: December 15, 2025).

8. Brown, T., Mann, B., Ryder, N., Subbiah, M., Kaplan, J.D., Dhariw-

al, P., Amodei, D., *et al.* (2020) Language Models Are Few-Shot Learners. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 33, 1877-1901. URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2020/file/1457c0d6bf-cb4967418bfb8ac142f64a-Paper.pdf (date of access: December 15, 2025).

9. Devlin, J., Chang, M. W., Lee, K., & Toutanova, K. (2019). BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. *arXiv preprint arXiv:1810.04805*. URL: <https://arxiv.org/pdf/1810.04805> (date of access: December 15, 2025).

ПЛОТНИКОВ
Владимир Валериевич
доктор социологических наук,
кандидат философских наук,
доцент, профессор, Российский
экономический университет
имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия

PLOTNIKOV Vladimir Valerievich
Doctor of Sociological Sciences,
Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor,
Professor, Plekhanov Russian
University of Economics,
Moscow, Russia

inkognito13@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0002-2130-7357

inkognito13@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0002-2130-7357

DOI: 10.30932/2072-6015-2025-114-1-70-78

Капитализм в институте «раннего доступа»: труд игроков-тестировщиков и эксплуатация энтузиазма (критический взгляд на индустрию) / Capitalism in the institution of early access: the labor of player-testers and the exploitation of enthusiasm

Аннотация

В статье рассматривается феномен раннего доступа в индустрии видеоигр сквозь призму критической теории цифрового труда и политической экономии. Первоначально позиционируясь как взаимовыгодная модель, позволяющая независимым разработчикам финансировать проекты на ранних стадиях, институт «раннего доступа» превратился в бизнес-стратегию крупных компаний по перекладыванию рисков и затрат на потребителей, фактически вовлекая игроков в бесплатный труд тестирования. В работе проанализированы ключевые особенности модели раннего доступа, двойственная роль игроков как потребителей и со-творцов, а также проявления эксплуатации их энтузиазма со стороны капитала. Опираясь на марксистские и неомарксистские подходы, автор показывает, как вовлеченность фанатов и добровольный труд игроков используются индустрией для извлечения прибыли. Делается вывод, что ранний доступ – характерный продукт позднего капитализма, в котором границы между игрой и трудом размыты, а искренняя увлеченность игроков служит ресурсом для накопления капитала. Статья носит теоретико-критический характер и призвана способствовать осмыслению этических и социальных последствий современных практик игровой индустрии.

Ключевые слова

Ранний доступ; Early Access; индустрия видеоигр; цифровой труд; свободный труд; эксплуатация; бета-тестирование; сообщество

игроков; политическая экономика игр..

Abstract

This article examines the phenomenon of early access in the video game industry through the lens of critical digital labor theory and political economy. Initially positioned as a mutually beneficial model allowing independent developers to finance projects in their early stages, the institution of early access has evolved into a business strategy for large companies to shift risks and costs to consumers, effectively engaging players in unpaid testing labor. This paper analyzes the key features of the early access model, the dual role of players as consumers and co-creators, and the exploitation of their enthusiasm by capital. Drawing on Marxist and neo-Marxist approaches, the author demonstrates how fan engagement and player voluntary labor are exploited by the industry for profit. It is concluded that early access is a characteristic product of late capitalism, in which the boundaries between play and labor are blurred, and players' genuine passion serves as a resource for capital accumulation. This article is theoretical and critical in nature and aims to promote understanding of the ethical and social implications of contemporary gaming industry practices.

Keywords

Early Access; video game industry; digital labor; free labor; exploitation; beta testing; player community; political economy of games.

Введение

В последние годы модель раннего доступа (Early Access) стала заметным явлением в игровой индустрии. Суть этой модели состоит в том, что разработчики выпускают незавершенную игру в широкий доступ, предлагая потребителям приобрести ее на ранней стадии и тем самым профинансировать дальнейшую разработку. В обмен игроки получают возможность играть до официального релиза, а также фактически выступают в роли бета-тестеров, предоставляя обратную связь и отчеты об ошибках. Как отмечается в руководящих документах платформы Steam, ранний доступ подразумевает наличие игравельной альфа- или бета-версии, которая соответствует заявленной цене, а отзывы аудитории должны стимулировать разработчиков регулярно обновлять игру [1]. Официально подчеркивается, что Early Access не является ни формой краудфандинга, ни предзаказом готового продукта, ни «продажей обещаний» – покупатель получает именно текущую версию игры, со всеми ее недостатками, и осознанно участвует в процессе ее доработки.

Первоначально концепция раннего доступа подавалась как новый этап развития отношений между создателями игр и их аудиторией. Впервые введенная на платформе Steam в 2013 году, эта модель позиционировалась как «новая эра для независимых разработчиков», аналогичная тому, что краудфандинговые платформы сделали для начальных инвестиций. Игроки превращаются из обычных покупателей

в инвесторов (хотя и без юридических прав) и одновременно в добровольных тестировщиков, а незавершенность проекта преподносится не как недостаток, а как особенность модели. Предполагалось, что такая открытая модель пойдет на пользу всем участникам, игроки получают ранний доступ к интересующим их играм и влияю на процесс разработки, а небольшие студии – столь необходимое финансирование и активное сообщество на ранних этапах проекта. В этом идеализированном сценарии ранний доступ выступает как пример сотрудничества и со-творчества. Разработчики напрямую взаимодействуют с аудиторией, избегая диктата крупных издателей, а игроки испытывают чувство причастности к созданию продукта [4].

Однако на практике данная модель породила и серьезные проблемы, став объектом критики со стороны исследователей и самих игроков. Во-первых, участие потребителей в финансировании и тестировании игр сопровождается значительным перераспределением рисков (игроки авансом вкладывают деньги и время в сырой продукт, который может никогда не достигнуть завершенной стадии). Статистические данные указывают, что значительная доля игр в «раннем доступе» так и не выходит в релиз. Например, по состоянию на середину 2010-х годов до 90% проектов, запущенных через ранний доступ, не добрались до версии 1.0 [4]. Даже после ужесточения правил платформы Steam и улучшения отбора проектов, около половины игр, вышедших в EA в 2019–2020 гг., все равно надолго застревают в незавершенном состоянии. Во-вторых, возникает вопрос о справедливости и этических аспектах принудительного вовлечения аудитории в неоплачиваемый труд. Фактически, покупая игру в раннем доступе, пользователь платит за привилегию выполнять работу, которая раньше была частью внутренних издержек компании – тестирование и контроль качества. В нормальной ситуации компаний игровой индустрии нанимают профессиональных QA-тестеров, выплачивая им заработную плату, однако модель раннего доступа позволяет компаниям переложить эти обязанности на потребителей без компенсации. Данный феномен был метко охарактеризован как превращение честной идеи инди-разработчиков в инструмент «массового ограбления» аудитории со стороны крупного бизнеса [5].

Цель данной статьи – дать критический анализ раннего доступа с позиций социологии и политической экономики игры, разобрать труд игроков-тестировщиков как форму цифрового труда и прояснить механизмы эксплуатации энтузиазма фанатов в условиях капиталистической игровой индустрии. Теоретической основой исследования служат марксистская и неомарксистская традиции анализа культуры и цифрового труда (К. Маркс, А. Грамши, представители Франкфуртской школы), а также современные работы по исследованию игровой индустрии в русле критической теории (Н. Дайер-Уизефорд, Г. де Петер, Д. Хесмондхалг, Т. Терранова и др.). Особое внимание уделяется концепциям «свободного труда» (free

labour) и «игротруда» (playbour), описывающим слияние игрового участия с производственным процессом. В следующем разделе представлены теоретические подходы к пониманию феномена труда игроков, после чего анализируется, каким образом энтузиазм игроков вовлекается и эксплуатируется индустрией раннего доступа.

Результаты

С развитием интернет-культуры и Web 2.0 в гуманитарных науках оформился концепт «цифрового труда», описывающий вклад пользователей в создание информационных благ и услуг. Одной из первых работ, обративших внимание на экономическую значимость добровольной деятельности онлайн-сообществ, стала статья Тицианы Террановы в которой она последовательно аргументирует, что «свободный труд» интернет-пользователей – фундаментальный ресурс для цифровой экономики, на котором строится производство ценности в позднекапиталистических условиях [6]. Энтузиазм и творческая энергия людей, действующих из интереса или чувства общности, становятся той «подарочной экономикой» онлайн-среды, которую капитал стремится рекуперировать и монетизировать. Таким образом, неоплачиваемый труд фанатов, моддеров, волонтеров (от написания отзывов до создания контента) составляет «скрытую» часть цепочки создания прибавочной стоимости в медиаиндустриях. Теоретики медиа отмечают, что риторика «участия» и «совместного творчества» зачастую маскирует неравные отношения, в которых корпорации извлекают выгоду из бесплатной активности аудитории muscours.esmycours.es. Так, Д. Хесмондхалг анализирует феномен UGC (контента, создаваемого пользователями) и отмечает, что соединение термина «бесплатный труд» с понятием эксплуатации – закономерная реакция на практику привлечения фанатского творчества в коммерческую сферу [4]. Даже если участники добровольно создают и распространяют контент, результатом нередко становится коммодификация – превращение их усилий в ресурс для капиталистического производства.

В сфере видеоигр специфическую форму цифрового труда пользователей описывает термин «playbour» (игротруд, от слияния play – игра и labour – труд). Данный неологизм предложен Юлианом Кюкликком в 2005 году в его анализе практик моддеров – игроков-энтузиастов, создающих модификации к коммерческим играм [5]. Playbour призван отразить гибридную природу деятельности фанатов, совмещающей элементы развлечения и работы, люди модифицируют игру или тестируют ее ради удовольствия и интереса, однако их действия приносят вполне материальную пользу правообладателям (улучшение продукта, продление жизненного цикла игры, рост продаж и т.п.). Кюкликк ввел также понятие «precarious playbour» (прекарный игротруд) для подчеркивания уязвимого положения этих неофициальных работников, чья деятельность носит нестабильный, неопределенный характер и не защищена трудовыми правами.

В дальнейшем категория playbour получила развитие в работах по политической экономии игр. Н.Б. Дайер-Уизефорд и Г. де Петер прослеживают историческую эволюцию отношений между игровой индустрией и аудиторией, указывая на три основные тенденции: (1) интеграция хакерского творчества и фанатской креативности в корпоративное производство игр; (2) вовлечение все более широких масс игроков в бесплатный, добровольный труд как в «беззатратный» способ повышения прибыли индустрии; (3) использование видеоигр как инструмента подготовки новых поколений работников к условиям нематериального труда [2]. Таким образом, по мере развития сетевых технологий капитал научился активно кооптировать автономную активность игроков, превращая субкультуры геймеров, моддеров, фанатов в часть своих производственных процессов. Это сопровождается переосмыслением самой природы игрового досуга. Виртуальная игра все более плотно «окутывается» капиталом и становится средством мобилизации, обучения и – в конечном счете – эксплуатации нового глобального рабочего класса.

Важная черта явления playbour – его добровольность и основанность на аффекте. В отличие от принудительного труда индустриальной эпохи, здесь экономика базируется на искреннем увлечении, страсти участников. Исследователи говорят об «аффективном труде» – работе, производящей и эксплуатирующей эмоции, чувство общности, творческое самовыражение [3]. Терранова подчеркивает, что люди участвуют в цифровых проектах не только потому, что этого «хочет капитал», но и вследствие собственного желания культурного самовыражения и общения. Именно эта двойственность – с одной стороны, автономное стремление к творчеству, с другой – его включение в рыночную логику – делает феномен свободного труда столь сложным и противоречивым [6]. В контексте игровой культуры это проявляется тем, что фанаты и игроки часто готовы тратить время и силы на улучшение полюбившейся игры, на помощь разработчикам – без прямой материальной выгоды для себя, а из энтузиазма. Тем самым, индустрия раннего доступа строит свою устойчивость именно на этой готовности аудитории добровольно трудиться из любви к игре.

Модель «раннего доступа» радикально трансформирует традиционные ролевые границы между производителем и потребителем в индустрии развлечений. Игрок здесь выступает одновременно в трех лицах: покупатель товара, бета-тестер продукта и фактически микрофинансист разработки. При этом формальные права и гарантии у него отсутствуют – деньги заплачены вперед, качество конечного результата не гарантируется, труд по тестированию не оплачивается. С марксистской точки зрения подобная ситуация представляет собой перекалывание части производственных издержек (оплаты труда, инвестиций в разработку) на самого потребителя, что увеличивает норму прибыли для капитала. Крупные издатели заметили эту возможность и стали активно применять ранний доступ не только

для рискованных инди-проектов, но и для высокобюджетных игр. По меткому выражению одного из аналитиков, «AAA-индустрия сделала из него оружие массового ограбления», научившись монетизировать даже недоделанные продукты [5]. Если инди-студии использовали Early Access как «честный обмен» (игроки получают раннюю версию и влияют на ее развитие, разработчики – необходимые средства для выживания), то корпорации обратили эту модель в инструмент предзаработка, когда игра сознательно выпускается сырой ради сбора денег и дальнейшего тестирования силами пользователей [3].

В такой системе игрок фактически становится бесплатным бета-тестером, оплачивающим привилегию работать. Он фактически оплачивает их этап тестирования, который в нормальной индустрии всегда считался внутренним и оплачиваемым. Вместо найма профессиональных тестеров компания выпускает сырую версию и приглашает всех желающих «принять участие в развитии проекта». Рекламный дискурс вокруг раннего доступа нередко апеллирует к желанию фанатов первыми прикоснуться к новинке, стать частью узкого круга избранных, получить статус инсайдера. Маркетинг подает платное участие в бета-тесте как эксклюзивную возможность, создавая у игрока иллюзию особой роли. На деле же это просто платный билет на незаконченный аттракцион, и участие игрока ограничивается сбором данных о его поведении. Исследования показывают, что разработчики зачастую используют сообщество Early Access односторонне: собирают телеметрию, отчеты об ошибках, статистику прохождения, но не вступают в диалог с игроками по существенным вопросам геймдизайна [2]. Обратная связь от пользователей превращается в асимметричный процесс, фанаты выкладывают идеи и труд, а компания решает, что из этого пригодно для реализации, не делаясь ни прибылью, ни полноценным авторством.

Еще одним следствием распространения раннего доступа стало снижение стандартов качества в восприятии части потребителей. Постепенно формируется новое отношение публики к продукту (игра с багами, нехваткой контента и дисбалансом воспринимается как нечто нормальное, если на ней стоит ярлык «ранний доступ»). Сообщество привыкает, что недоделанная игра – это не повод для возмущения, а скорее приглашение «подождать и посмотреть, что будет дальше». Такая терпимость публики, по мнению критиков, «размывает ощущение качества», индустрия перестает стыдиться выпускать сырые продукты, ведь аудитория все равно купит, надеясь на будущие патчи. В результате планка требований снижается и для разработчиков, и для игроков, а временная мера (тестирование альфы) начинает восприниматься как новый стандарт выпуска игр [5]. Это особенно опасно в сегменте крупных проектов, где ранний доступ используется не по прямому назначению (довести инди-проекты до кондиции), а для монетизации ажиотажа. Например, крупные издатели практиковали продажу «раннего доступа» к фактически готовым играм за несколько

ко дней до официального релиза – по сути, переименовав платный предзаказ в Early Access. Подобные приемы не имеют отношения к совместному творчеству, это именно коммерциализация нетерпения фанатов (стремления на несколько дней раньше остальных окунуться в новую игру).

Эксплуатация энтузиазма не остается без социальных последствий. По мере накопления негативного опыта – брошенных проектов, затянувшихся на годы альфа-версий, невыполненных обещаний – в части аудитории нарастает усталость и цинизм. Игроки начинают осознавать свою роль «дешевого ресурса» и все острее реагируют на случаи злоупотребления. На форумах отмечается феномен «моральной усталости», когда слишком много игр не выходят из раннего доступа, у сообщества пропадает вера, что проект вообще будет доведен до конца. Каждая новая неудача подтачивает доверие, и со временем даже честные инди-разработчики страдают от общего скепсиса – публика уже неохотно вкладывается в очередную мечту, ожидая подвоха. Таким образом, долгосрочная эксплуатация доверия и энтузиазма оборачивается рисками для самой индустрии. Разочарованный потребитель может уйти или, по крайней мере, стать намного осторожнее, что усложняет сбор средств на новые проекты. В ответ платформы (как Steam) вынуждены внедрять механизмы контроля. Так, теперь пользователей предупреждают, если игра в раннем доступе давно не обновлялась, чтобы избежать продаж заброшенных продуктов. Тем не менее проблема полностью не решена, поскольку модель на институциональном уровне поощряет извлечение выгоды из незавершенности.

Ситуация раннего доступа демонстрирует типичное противоречие позднего капитализма [7]. Стремление компаний к прибыли толкает их максимально использовать все доступные ресурсы, включая труд и эмоции потребителей, но при этом долгосрочная устойчивость системы подрывается эрозией доверия и истощением энтузиазма аудитории [8]. Пока одни игроки разочаровываются, другие (особенно самые преданные фанаты) продолжают добровольно вносить свой вклад, надеясь на успех «своей» игры. Это создает социально-психологическую динамику самоугаваривания и оправдания (фанат готов мириться с временными недочетами, убеждая себя, что помогает разработчикам достичь великой цели). Такая логика созвучна понятию «самозэксплуатация» в творческих индустриях, где работники (или добровольцы) настолько увлечены процессом, что оправдывают переработки, низкую оплату или ее отсутствие своим «призванием» и страстью [4]. В контексте Early Access энтузиасты-игроки зачастую рационализируют отсутствие гарантии результата тем, что «игра развивается на их глазах», «мы вместе с разработчиком», тем самым внутренне соглашаясь на риск и труд без вознаграждения ради удовлетворения аффективных потребностей (принадлежность к сообществу, влияние на продукт, доступ к новому опыту).

Заключение

Модель раннего доступа в игровой индустрии являет собой противоречивое явление, сочетая в себе черты демократизации производства и одновременно новые формы капиталистической эксплуатации. С одной стороны, Early Access вписывается в более широкие тенденции платформенного капитализма и культуры участия, где границы между производителем и потребителем размыты. Игроки получают возможность влиять на создание любимой игры, стать частью ее истории, а независимые разработчики – шанс реализовать проекты без диктата издателей. С другой стороны, критический анализ показывает, что подобная «со-креативность» нередко происходит на условиях, выгодных прежде всего капиталу [1]. Неоплачиваемый труд игроков-тестировщиков, их эмоциональная привязанность и терпение стали ресурсами, которые индустрия систематически привлекает для снижения издержек и повышения прибыльности. Коммерциализация энтузиазма геймеров – будь то через прямую монетизацию раннего доступа или косвенно через генерацию шумихи и контента сообществом – укладывается в логику современного капитализма, стремящегося проникнуть во все сферы человеческой активности, превратив даже досуг и фанатское творчество в часть производственного процесса.

Можно утверждать, что «капитализм в Early Access» – не метафора, а дословное описание ситуации, когда каждый этап игрового проекта, вплоть до тестирования и финансирования, интегрирован в рыночные отношения. При этом такие отношения маскируются под риторику партнерства – игроку предлагается роль соучастника, хотя юридически и экономически он остается в положении обычного потребителя, взявшего на себя дополнительные обязанности. Критический взгляд позволяет вскрыть скрытую эксплуатацию в этой модели. Капиталистическая индустрия игр активно привлекает добровольный игровой труд как безвозмездное средство обновления прибыли. Ранний доступ стал именно таким механизмом – институционализированной формой playbour, где «игра как работа» возведена в норму бизнеса.

Для науки и общества важно осмыслить эти процессы, поскольку они задают прецеденты шире игровой сферы. Если потребители привыкают платить за недоделанные продукты и выполнять работу по их улучшению, эта модель может распространяться и на другие отрасли цифровых услуг. В данном контексте встанут вопросы защиты прав потребителей и этики. Нужны ли механизмы регулирования Early Access, должно ли сообщество вырабатывать саморегуляцию (например, бойкот заведомо мошеннических проектов), или же подобные практики следует принимать как новую нормальность цифровой экономики? Независимо от ответа, диалектический характер раннего доступа – сочетание подлинного сотрудничества и односторонней эксплуатации – будет и дальше привлекать внимание исследователей. Раскрывая его противоречия, мы лучше понимаем природу современ-

ного капитализма, который не гнушается превращать в источник прибыли даже искреннюю увлеченность и творческое участие людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Banks J., Humphreys S. The Labour of User Co-Creators: Emergent Social Network Markets? // *Convergence*. 2008. Vol. 14, no. 4. P. 401–418.
2. Dyer-Witheford N., De Peuter G. *Games of Empire: Global Capitalism and Video Games*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009 298 p.
3. Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin Press, 2004.
4. Hesmondhalgh D. User-generated content, free labour and the cultural industries // *ephemera: theory & politics in organization*. 2010. Vol. 10, no. 3/4. P. 267–284.
5. Kücklich J. Precarious Playbour: Modders and the Digital Games Industry // *The Fibreculture Journal*. 2005. Issue 5. URL: <http://journal.fibreculture.org/issue5/kücklich.html> (дата обращения: 10.12.2025)
6. Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy // *Social Text*. 2000. Vol. 18, no. 2. P. 33–58.
7. Галанина Е. В., Шаев Ю. М. Видеоигры в контексте постнеклассической культуры // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2020. №1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoigry-v-kontekste-postneklassicheskoy-kultury> (дата обращения: 18.01.2026).
8. Никулин А. Н., Терентьев А. А. Финансы в видеоиграх // *Вестник УлГТУ*. 2018. №3 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansy-v-videoigrah> (дата обращения: 19.01.2026).

REFERENCES

1. Banks J., Humphreys S. The Labor of User Co-Creators: Emergent Social Network Markets? // *Convergence*. 2008. Vol. 14, no. 4. P. 401–418.
2. Dyer-Witheford N., De Peuter G. *Games of Empire: Global Capitalism and Video Games*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009 298 p.
3. Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin Press, 2004.
4. Hesmondhalgh D. User-generated content, free labor and the cultural industries // *ephemera: theory & politics in organization*. 2010. Vol. 10, no. 3/4. P. 267–284.
5. Kücklich J. Precarious Playbour: Modders and the Digital Games Industry // *The Fibreculture Journal*. 2005. Issue 5. URL: <http://journal.fibreculture.org/issue5/kücklich.html> (date of access: 10.12.2025)
6. Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy // *Social Text*. 2000. Vol. 18, no. 2. P. 33–58.
7. Galanina E. V., Shaev Yu. M. Video Games in the Context of Post-Non-Classical Culture [*Videogry` v kontekste postneklassicheskoy kul'tury*] // *Vectors of Well-Being: Economy and Society*. 2020. No. 1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoigry-v-kontekste-postneklassicheskoy-kultury> (date of access: 18.01.2026).
8. Nikulin A. N., Terentyev A. A. Finance in video games [*Finansy` v videoigrax*] // *Bulletin of UISTU*. 2018. No. 3 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansy-v-videoigrah> (date of access: 19.01.2026).

АСПЕКТЫ ASPECTS

*ГАЗЕТОВ Владимир Иванович
кандидат исторических наук,
профессор, профессор,
Институт современного
образования и информационных
технологий,
почетный работник высшего
профессионального образова-
ния РФ, Москва, Россия
vig012008@yandex.ru*

*GAZETOV Vladimir Ivanovich
Ph.D. of Historical Sciences,
Professor, Professor, Institute of
Modern Education and Information
Technologies, Honorary Worker of
Higher Professional Education of
the Russian Federation,
Moscow, Russia
vig012008@yandex.ru*

*ХОМЕНКО Вадим Иванович
кандидат педагогических наук,
профессор, профессор,
Московский городской
университет управления
Правительства Москвы,
заслуженный работник высшей
школы РФ, Москва, Россия
khomvi@gmail.com*

*KHOMENKO Vadim Ivanovich
Ph.D. of Pedagogic Sciences,
Professor, Professor, Moscow City
University of Management of the
Government of Moscow, Honored
Worker of Higher Education of the
Russian Federation,
Moscow, Russia
khomvi@gmail.com*

DOI: 10.30932/2072-6015-2025-114-1-79-93

Массмедиа нацистской Германии: пропагандистский аспект / The mass media in nazi Germany: the propaganda aspect¹

Аннотация

На основе исследования многочисленных зарубежных источников авторами проведён политико-социологический и информационно-психологический анализ системы агитационно-пропагандистской деятельности руководства нацистской Германии, апробированной с целью изменения мотивации и стереотипов поведения населения зарубежных стран, входивших в зону интересов Третьего рейха и во многом обеспечившей их превращение в его сателлитов.

Несмотря на активное участие гитлеровских пропагандистов в преступлениях против человечества, их деятельность в послевоенные годы не получила должной правовой оценки, они избежали денацификации и не понесли заслуженного наказания. В условиях “холодной войны” их знания и навыки оказались востребованы и спецслужбами, и ведущими массмедиа Западной Германии и

¹ 80-й годовщине Международного военного трибунала в Нюрнберге посвящается

ряда недружественных стран. А разработанная сотрудниками геббельсовского министерства пропаганды и показавшая высокую степень эффективности система манипулирования массовым сознанием составила основу подрывных технологий, именуемых в сегодня идеями «мягкой силой» и концепцией «стратегической коммуникации».

Ключевые слова

Пропаганда; агитация; массовые коммуникации; информационно-психологическое воздействие; СМИ; манипуляция массовым сознанием.

Abstract

Based on a study of numerous foreign sources, the authors conducted a political, sociological, and information-psychological analysis of the system of agitation and propaganda activities of the Nazi German leadership, which was tested in order to change the motivation and behavioral patterns of the population of foreign countries that were part of the Third Reich's sphere of interest and played a significant role in their transformation into its satellites.

Despite the active participation of Hitler's propagandists in crimes against humanity, their activities in the post-war years were not properly evaluated, and they avoided denazification and did not receive the punishment they deserved. In the context of the Cold War, their knowledge and skills were in demand by both the intelligence services and the leading media outlets in West Germany and several other hostile countries. The system of mass consciousness manipulation developed by the Goebbels Ministry of Propaganda, which proved highly effective, became the foundation for the subversive technologies now known as "soft power" and "strategic communication".

Keywords

Propaganda; agitation; mass communications; media; information and psychological influence; manipulation of mass consciousness.

Народы Российской Федерации ежедневно подвергаются беспрецедентному по мощности натиску русофобской пропаганды, призванной вызвать социальную напряженность в обществе, спровоцировать этнические разногласия и разжечь религиозные конфликты. Её цель - дестабилизация политической ситуации, провоцирование паники, беспорядков, этнических погромов и приведение ситуации к грани применения разрушительных видов оружия. Запад использует все возможности для планомерного ослабления нашего государства, тратя огромные средства на разработку новых видов информационного оружия, на совершенствование технологий манипулирования массовым сознанием. Появление в арсенале западных пропагандистов новейших методов и приемов информационного воздействия на население объясняется не только

результатом привлечения к их разработке специалистов в области PR, психологии, рекламы, маркетинга, журналистики и т.д., но и обращению к уже проверенным временем образчикам нацистской пропаганды. Среди различных форм манипулирования массами особый интерес представляет недостаточно изученная геббельсовская система информационного воздействия на население зарубежных стран.

Проведённый авторами политико-социологический и информационно-психологический анализ этой системы показал высокую интенсивность и эффективность деятельности пропагандистов Третьего рейха в распространении гитлеровских идей среди различных слоев общества многих зарубежных государств, в итоге довольно быстро превратившихся в покорных сателлитов нацистской Германии.

Внешнеполитическая активность гитлеровского руководства всегда сопровождалась мощным пропагандистским обеспечением, направленным на формирование позитивного имиджа Германии, её силы и могущества. В то же время государства, намечающиеся для вооруженного вторжения или другого действия, предполагавшего утрату суверенитета или какой-либо его части, подвергались массированным информационно-психологическим атакам, деморализующим и дезорганизуящим различные слои населения, дискредитирующим систему государственной власти стран-мишеней. Можно утверждать, что тщательно организованная тотальная пропаганда, обращенная к целевым группам населения, являлась существенным фактором успешной реализации гитлеровского плана захвата территорий и смены режимов в Польше, Чехословакии, Франции, Бельгии и других странах на начальном этапе Второй мировой войны.

Изучение условий возникновения и функционирования мощного идеологического аппарата нацистского режима, способов и приемов его подрывной деструктивной пропаганды является необходимым условием исследования современных форм манипуляции массовым сознанием, многие из которых были разработаны сотрудниками германского министерства народного просвещения и пропаганды при личном участии его руководителя - рейхсминистра доктора Пауля Йозефа Геббельса. А после войны эти же сотрудники из-за правовой недооценки преступного характера нацистской пропаганды, при попустительстве политических и общественных деятелей, правоохранительных органов избежали денацификации, и затем уже на службе новым хозяевам применяли знания, умения и навыки разжигания национальной розни, дискредитации правительств, развязывания кровавых социальных конфликтов.

XX век стал временем безудержного развития коммуникационных технологий. Творческой "лабораторией" и полигоном пропагандистской мысли стала Германия, превратившаяся в арену ожесточенных схваток различных политических сил. Учреждение центрального управления

пропаганды нацистской партии (RPL) во главе с Геббельсом и формирование «Палаты культуры» (RKK) под его президентством позволило нацистам поставить прессу, радио, кино, театр, музыку и литературу на службу национал-социалистической идеологии. Американский посол в Германии Уильям Э. Додд констатировал: Геббельс объединил всё в одну «огромную пропагандистскую машину»¹. Массированные пропагандистские атаки нацистов на общественное сознание принесли свои коричневые плоды.

Геббельс не только формировал централизованный имперский пропагандистский аппарат, отдавая предпочтение творческим и незаурядным личностям, но и занимался разработкой теории действенного убеждения людей. Он считал пропаганду не просто политическим инструментом, но видом искусства, обладающим политической силой «высочайшего уровня»². Заметное место в библиотеке Геббельса занимал труд легендарного Эдварда Бернейса «Кристаллизация общественного мнения». Сегодня в нью-йоркском Музее связей с общественностью на Уолл-стрит Бернейса именуют «отцом Public Relations»³. Через много десятиков лет газета The New York Times в некрологе назовет его профессиональным манипулятором, способным добиваться желаемых изменений общественного мнения и поведения людей. Он одним из первых соединил разработанную его дядей Зигмундом Фрейдом психологию подсознания с техниками рекламного маркетинга с целью эффективного манипулирования общественным мнением. От внимания Геббельса не могло ускользнуть утверждение Бернейса, что «люддей можно дрессировать, как собак Павлова»⁴. Геббельс применил идеи рекламы и маркетинга в политической сфере, привнес в политическую рекламу психологические приемы и завлекающие публику слоганы. Он изменил дизайн пропагандистских плакатов, добавив сразу бросившиеся в глаза ярко-красные чернила и крупный шрифт для заголовков, которые привлекали внимание читателей и побуждали до последней строки читать текст, напечатанный далее уже мелким шрифтом.

Стремление влиять на значительные массы людей с помощью тщательно спланированных публичных выступлений подталкивало нацистов к поиску научно-технических решений синхронной передачи вербальной информации широкому кругу адресатов «на больших открытых пространствах заполненных людьми»⁵. Инженеры лихорадочно искали возможность «мгновенного акустического охвата» всего на-

¹ Commercial Loans and Fun Blog History: Joseph Goebbels and the Nazi Propaganda Machine // <https://info.c-loans.com/history-joseph-goebbels-and-the-nazi-propaganda-machine>

² Adolf Hitler, Propaganda and Organization (1925) // <https://germanhistorydocs.org/en/nazi-germany-1933-1945/adolf-hitler-propaganda-and-organization-1925>

³ The Museum of Public Relations. Stories inspiring tomorrow // www.prmuseum.org/pioneer-edward-bernays

⁴ Edward L. Bernays // https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Edward_L._Bernays

⁵ Public-Address-Strategien von 1919 bis 1949 von Ralf Gerhard Ehlert // <https://www.medienstimmen.de/public-address-strategien-von-1919-bis-1949/>

селения Третьего рейха. Громкоговорители компании Telefunken стали действенными помощниками «в победоносном шествии национал-социалистической идеи», - хвастливо заявлялось в рекламном проспекте фирмы. Именно продукция Telefunken превращала бесчисленные митинги и собрания в якобы «захватывающие события, достойные празднования». Telefunken преуспел в оказании нацистам «электроакустической помощи». Созная, что возможность окутать народные массы плотной пеленой нацистской идеологии прямо связана с развитием беспроводной связи, гитлеровское руководство концентрировало усилия на подготовке производства дешевого «народного приемника», чтобы «голос Гитлера звучал в каждой немецкой семье»¹.

В конкурсе, объявленном Министерством пропаганды Геббельса в 1933 году на разработку недорогого радиоприемника приняли участие инженеры трех фирм: Blaupunkt, Seibt и Telefunken. В конце лета 1933 года на Берлинской радиовыставке Геббельс лично презентовал устройство как совместное немецкое изделие, иницированное нацистами - Volksempfänger VE 301 (Народный приемник, цифры после аббревиатуры означали дату и месяц захвата гитлеровцами власти). В стане нацистов царило ликование: Народный приемник означает «для духовной жизни нашего народа то же самое, что когда-то, пятьсот лет назад, первая Библия Гуттенберга». Цена на VE 301 в базовой комплектации составляла 76 рейхсмарок. Во время очередных выборов в витринах всех специализированных радиомагазинов красовался плакат «Вся Германия слышит фюрера по народному радио»². Геббельс стремился к сплошной радиофикации страны. Уже в первые дни продаж в августе 1933 года было продано 100 000 радиоприемников VE 301, украшенных эмблемой кричащего орла³. В отчете научного сотрудника Имперской радиовещательной компании (RRG) Вернера Макса Нестеля за 1935 год отмечается наличие в Германии почти 7 миллионов приемных устройств, что позволяет «28 миллионам немецких соотечественников слушать радио». Впечатляющими темпами укрепляется и материально-техническая база имперского радиовещания. В новом «Доме радио» в Берлине с полной нагрузкой функционируют семь залов вещания, один из которых имеет размеры «большого концертного зала». К услугам нацистских пропагандистов здесь 20 звукозаписывающих залов и масса вспомогательных помещений. Общее число сотрудников в здании, согласно данным Нестеля, приближалось к 700. Германия стремительно становилась самой радиофицированной страной Европы.

Центральной заботой нацистской политики в области

¹ Volksempfänger VE 301 // <https://nat.museum-digital.de/object/1006218>

² 1933: Volksempfänger VE 301 mit kostengünstigem Freischwinger-Lautsprecher // <https://www.medienstimmen.de/chronik/1931-1935/1933-volksempfaenger-ve-301>

³ German Radio: The People's Receiver // <https://exhibitions.ushmm.org/propaganda/german-radio>

радиовещания стало его превращение в важнейший инструмент пропаганды. На встрече с руководителями радиовещательных компаний 25 марта 1933 года Геббельс представил программу развития радиовещания в Германии, указав на особую эффективность этого средства пропаганды: «Я считаю радио самым современным и самым важным инструментом массового влияния»¹.

Архивные материалы Западно-Германского радиосвидетельствуют о высоком интересе нацистских руководителей к радиопропаганде. Геббельс, требовал от подчиненных использования всех средств и методов, чтобы донести до народных масс новое мышление - актуальное, интересное, «поучительное, но не назидательное». Он лично занимался подбором кадров. «Мы начали вещание с фантастической волны политического влияния, агитации и пропаганды в любой форме», - напишет позже один из адептов нацистского режима Ойген Хадамовски². Крупнейший в мире биографический сайт называет его «политиком и директором по производству радиопрограмм в нацистской Германии с 1933 по 1942 год»³. Хадамовски был идейным нацистом, добившимся немалых карьерных высот. После работы в геббельсовской газете Der Angriff он был назначен первым гаулейтером по радиовещанию в НСДАП, затем - главой отдела в имперском управлении пропаганды в Мюнхене. По собственной инициативе организовал радиотрансляцию массовых митингов Адольфа Гитлера во время избирательных кампаний. Настоящий фурор произвела радиопередача из рейхсканцелярии во время захвата Гитлером власти 30 января 1933 года. Необычайный успех радиотрансляций предвыборных речей Гитлера привел Хадамовски к назначению руководителем радиостанции Deutschlandsender. Хадамовски участвовал в армейских маневрах с организованными по его предложению подразделениями радиопропаганды, т.н. пропагандистскими ротами вермахта и СС, после чего он был назначен начальником отдела радиовещания министерства пропаганды⁴.

Перед первой в мире телепередачей 22 марта 1935 года Хадамовски сказал о величайшей миссии нового СМИ, которому суждено «взрастить в немецких сердцах неповторимый образ великого фюрера». Германское руководство увидело в новом медиа совершенное орудие нацистской пропаганды⁵. Во главе телевизионного ведомства

¹ Produktionen der Reichs-Rundfunk-Gesellschaft (1933 – 1945) Rundfunk im Nationalsozialismus // <https://www.dra.de/de/bestaende/ns-rundfunk/hoerfunk>

² Hörfunk und Fernsehen in der Nazi-Zeit (Teil 1) // <https://www1.wdr.de/archiv/rundfunkgeschichte/rundfunkgeschichte124.html>

³ Eugen Hadamovsky Life story // https://www.xwhos.com/person/eugen_hadamovsky-whois.html

⁴ Eugen Hadamovsky - The Necessity of Action // <https://phosphorussite.blogspot.com/2023/07/already-as-student-eugen-hadamovsky.html/>

⁵ Geschichte des Funkwesens. Programm "Deutscher Fernseh-Rundfunk" // https://geschichte-des-funkwesens.de/programme/programm_deutscher_fernseh_rundfunk.php

Германии (Deutscher Fernseh-Rundfunk) был поставлен верный адепт Геббельса кинодраматург, писатель и поэт, Ханс-Юрген Ниренц, автор знаменитой нацистской песни «Лети, немецкое знамя, лети!», в которой рефреном повторялись слова «Вперёд! Фюрер нас ведёт». Песня исполнялась капеллой музыкального корпуса Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер». Ниренц лично занимался подбором кадров. Первой в мире женщиной-теледиктором стала 22-летняя Урсула Пацшке-Бейтель, начинавшая и заканчивавшая передачу резким вскидыванием правой руки вверх и громким нацистским приветствием. Сильный пол в дикторской группе представлял Ханс Вальдемар Бублицц, «возрождавший» после войны западногерманское телевидение, и через десятки лет с восторгом вспоминавший о совместной работе с Ниренцем¹. Вскоре на экранах телевизоров появилась киноактриса Эльзе Эльстер, одна из знаменитостей, с которыми Гитлер любил появляться перед прессой. Эльстер была включена в геббельсовский «Список Богом избранных» (Die Gottbegnadeten-Liste), особо полезных для нацистского режима людей и находившихся под его особым покровительством.

Однако, несмотря на титанические усилия Ниренца и его подручных превратить телевидение в приоритетное орудие нацистской пропаганды не удалось. Поэтому приказом Верховного командования Вермахта за неделю до начала Второй мировой войны программа телепередач была закрыта. Сам же Ниренц, хотя и попал после войны в список нацистских преступников, но наказания избежал². Он писал тексты в рекламном агентстве, а затем подвизался журналистом-фрилансером. В 1995 году с почестями погребен на фамильном кладбище в Дюссельдорфе. А его бывшие ученики и последователи - военные репортеры пропагандистских рот вермахта и СС продолжали дело своего учителя, выполняя привычную для себя работу в газетах, на радио и телевидении Западной Германии.

Таким образом, уже с середины 30-х годов XX века основным и наиболее действенным инструментом внутренней и внешней нацистской пропаганды являлось радио. Официальному открытию службы коротковолнового радиовещания в Германии предшествовала масштабная работа по изучению возможностей использования коротких волн для проведения международных пропагандистских операций, которая доказала высокую эффективность использования коротких радиоволн в этих целях.

Радиовещание на коротких волнах началось с установки в городке Цеезен мощного передатчика фирмы Telefunken. Широкий диапазон станции, не уступавшей станциям в Эйндховене (Нидерланды) и Скенектади (США), позволил ей получить название «Всемирное радиове-

¹ Die Geschichte des Fernsehspiels. Erinnerungen von Hans Waldemar Bublitz // http://www.deutsches-filmhaus.de/geschichte_fernsehspiel_30062022.htm

² NS-Täter. Unvollständige Liste der NS-Täter nach Kategorien aufgeführt // <https://meinstein.ch/gesellschaft/ns-taeter/>

щание» (Weltrundfunksender). Чуть позже передатчики радиостанции в Цеезене стали основными распространителями немецкой пропаганды на Европу, Северную Африку и Ближний Восток, каждый день вещавшими на многих языках, включая арабский и фарси¹. В 1938 году передатчик Zeesen транслировал более 51 часа программ в день на 19 коротковолновых частотах. Сегодня некоторые германские «просто любители радио» объединились в союз „Sender Königs Wusterhausen“ и вместе с администрацией города открыли музей радиовещания, заявив, «радиостанция Zeesen не может быть забыта»².

Радио было не только самым популярным СМИ, но и наиболее дешёвым видом развлечения. При подготовке передач геббельсовские пропагандисты учитывали и доступность радио для широких слоев населения, и его тягу и к новостям, и к развлекательным передачам. Поэтому пропагандистский контент обрамлялся танцевальными композициями, симфонической или легкой музыкой, юмористическими шоу. В 1938 году 60% объема вещания было заполнено музыкой. Отношение к радиоприемнику как к привычному атрибуту домашнего уюта и комфорта создавало ощущение покоя и безмятежности и оживаемо приводило к некритическому восприятию нацистской пропаганды.

Руководителем специально созданной для работы на границу Немецкой коротковолновой радиостанции (Deutscher Kurzwellensender) назначается бывший глава Баварской радиовещательной компании Курт фон Бекманн. Баварское радио поведало об одновременном утверждении фон Бекманна в должности шефа иностранного отдела RRG. Материалы об этом событии бережно хранятся в аудиотеке ARD³.

Под патронажем Геббельса для пропагандистской работы на границу нацистами формируется сеть из почти двух десятков неофициальных секретных радиостанций (Geheimsender), объединенных в специальное радиоподразделение, именуемое Büro Concordia. Подведомственные Бюро передатчики транслировали «чёрную пропаганду» - ложную информацию, якобы поступившую от надежного и достоверного источника, хотя на самом деле изготовленную нацистами. «Чёрная пропаганда» использовалась для деморализации и дезорганизации правительств, вооруженных сил и гражданского населения стран, находившихся в зоне германских интересов⁴.

Шефом секретных радиостанций Büro Concordia был назначен Адольф Раскин, одновременно руководивший RRG. К концу 1930-

¹ German radio museum sheds light on the WWII era Zeesen transmitting station // <https://swling.com/blog/2021/08/german-radio-museum-sheds-light-on-the-wwii-era-zeesen>

² Sender Zeesen zusammengetragen von: Jürgen Tiedmann // <https://geschichte-des-funkwesens.de/>

³ Deutscher Kurzwellensender für Nazi-Propaganda bekommt Intendanten // <https://www.ardaudiothek.de/episode/urn:ard:section:a873ef0f243875ed/>

⁴ Black propaganda // https://military-history.fandom.com/wiki/Black_propaganda

х годов её студии ежедневно выпускали 147 часов программ на 53 языках. Вскоре погибшего в авиакатастрофе Раскина заменил штандартенфюрер СС Антон «Тони» Винкельнкемпер (SS-№ 310.379), принявший ответственность за работу всех секретных радиостанций Büro Concordia¹. После войны избежавший судебного преследования Винкельнкемпер обосновался в США, где в годы «холодной войны» сотрудничал со спецслужбами и сделал карьеру «консультанта на американском вещании». Симптоматично, что среди руководителей западногерманского радио (WDR), достижения которых имеют современное значение, в юбилейном издании одним из первых называется Винкельнкемпер².

Доминирующее положение в Бюро занимали радиостанции, работавшие против основного противника – Великобритании. Геббельс создал четыре «чёрные» радиостанции, ориентированные на социалистов, пацифистов, а также шотландских и валлийских националистов. Он осуществлял прямой и детальный контроль над секретными передатчиками. Официальный архив правительства Великобритании хранит информацию об офицере СС Эрихе Курте Вернере Хетцлере, отвечавшем за группу немецких радиостанций Büro Concordia, транслировавших пропагандистские передачи на английском языке³.

Именно Хетцлер после собеседования в гестапо пригласил британского сторонника Гитлера Дональда Гранта для работы на «черной» радиостанции Radio Caledonia, созданной немецкими нацистами и британскими фашистами для достижения их общей цели — прекращения участия Великобритании в войне. Радио прилагало беспрецедентные пропагандистские усилия, направленные на поддержку шотландского национализма и расчленение Великобритании. Ведущим и сценаристом 10-минутных программ Radio Caledonia и стал Дональд Грант, называвший себя Палмером и утверждавший, что передача ведется из Шотландии (а не из Берлина). Его целью было «убедить» шотландскую общественность в том, что Британии не следует участвовать в войне, что Шотландия должна заключить «собственный мир» с Германией. Грант объявил о существовании Шотландского фронта мира — придуманной им организации, призывавшей участвовать в демонстрациях против войны, в которую шотландцев втянули «безответственные политики» в Лондоне.

Винновником всех социальных тягот и невзгод объявлялось британское правительство. Черчилль, а не Гитлер - враг Шотландии, и он должен предстать перед судом. Но под суд в Олд-Бейли в 1947 году попал сам Грант, дослуживший в Büro Concordia до конца войны.

¹ Anton Winkelkemper // <https://www1.wdr.de/unternehmen/der-wdr/profil/chronik/anton-winkelkemper100.html>

² Die Intendantin und Intendanten des WDR // <https://www1.wdr.de/unternehmen/der-wdr/profil/chronik/chronik-intendanten-100.html#goToContent>

³ UK National Archives // <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11477328>

Шесть месяцев тюремного заключения не сильно его огорчили. При этом, по свидетельству исследователя Грэма Смита, выносивший приговор судья допускал, что присяжные вполне могли решить, что Грант «работал на благо Шотландии, а не Германии». Смит выразил искреннее изумление по поводу результатов собственного исследования. Он назвал «невероятным», что многие из придуманных аргументов Гранта, действовавшего по прямому указанию Геббельса, «до сих пор» используются политиками Шотландской национальной партии¹.

Американский архив PsyWar.Org публикует материалы о работе радиостанции Workers' Challenge, работавшей в подземных помещениях Олимпийского стадиона Третьего рейха в Берлине, построенного к Олимпийским играм 1936 года. Каждую ночь передатчик Workers' Challenge выходил в эфир на волне 213 метров. Его передачи с призывами выступить против наживающихся на войне капиталистов, предназначались «для всех рабочих Великобритании и Северной Ирландии»².

Параллельно с «черными» радиостанциями существовали и «белые». Одной из них была коротковолновая радиостанция Germany Calling, транслировавшая пропагандистские новости и комментарии на английском языке в сопровождении джаза и свинга. Для работы на станции были приглашены носители языка. Легко узнаваемым из них оказался Уильям Джойс. Шоу Джойса было направлено на деморализацию британских, канадских, австралийских и американских солдат, а также британского населения в зоне вещания. Его регулярно слушали почти 6 миллионов человек, а время от времени — до 18 миллионов по всей Великобритании³.

Во время французской кампании в декабре 1939 года начали вещание две секретные франкоязычные радиостанции Radio Humanité и Voix de la Paix, ориентированные на недовольные меньшинства и транслировавшие сообщения пять раз в день с помощью передатчиков в Кельне, Лейпциге, Саарбрюккене и Штутгарте.

Radio Humanité позиционировало себя органом недавно запрещенной компартии. Нацисты умело использовали это обстоятельство, формируя у слушателей образ радиостанции, ведущей передачи из подполья. Для усиления эффекта в передачи включались кодированные сообщения, предназначенные членам мифических нелегальных ячеек. Это создавало иллюзию наличия во Франции мощной, оппозиционной правительству левой силы. Псевдокоммунистическое Radio Humanité призывало к уклонению

¹ How Nazi propaganda chief Goebbels helped shape the SNP's arguments that are still used today // <https://www.scottishdailyexpress.co.uk/news/scottish-news/how-nazi-propaganda-chief-goebbels-34345080>

² Workers' Challenge radio broadcast, 23 August 1940 // <https://web.archive.org/web/20210207143711/https://www.psywar.org/content/workerschallenge19400823>

³ Radio Propaganda in World War II // wargaming.com/en/news/radio_propaganda/

от воинской службы и саботированию всех сверхурочных работ на предприятиях, связанных с военной промышленностью¹.

На психологическую дестабилизацию населения была направлена и деятельность радиостанции Voix de la Paix, якобы выражавшей интересы французских патриотов и пацифистов. Демонстрируя фальшивое беспокойство за будущее Франции, станция предостерегала французов от излишнего доверия к англичанам, которые, по утверждению нацистских пропагандистов, всегда писали свою историю кровью союзников. Авторитетный франкоязычный веб-портал shs.cairn.info, располагающий значительным собранием исторических материалов, обращает внимание на целевую направленность усилий нацистов по дискредитации британского лидера. Черчилль защищает англичан телами французских солдат, утверждалось в передаче радиостанции Voix de la Paix².

Юго-Западное радио ФРГ (SWR) как о важном достижении сообщает слушателям об умело спровоцированном двумя секретными радиостанциями третьего рейха Radio Humanité и La Voix de la Paix паническом бегстве гражданского населения Франции. Возникший на улицах хаос надолго парализовал передвижение французских войск. В утверждении SWR слышится гордость, что немецкая сторона была вполне «способна» вызвать в оперативном отношении замешательство и тем самым ускорить крах национальной обороны Франции³.

Важным направлением распространения нацистской идеологии считался арабский мир. Регион Северной Африки и Ближнего Востока представлялся германскому руководству подходящей площадкой для предполагаемых антибританских действий. Десятки сотрудников арабской редакции радиостанции в Цеезене с весны 1939 года ежедневно готовили передачи на Ближний Восток, обосновывая идейное родство ислама и национал-социализма. Главные постулаты нацистской радиопропаганды - антисемитизм, антиимпериализм и антикоммунизм - подавались в нарезке с политическими обзорами, отрывками из Корана, арабской музыкой, цитатами арабских мыслителей, выдержками из речей Гитлера.

Рядом с германскими нацистами на радиостанции работали нашедшие прибежище в Берлине арабские националисты. Одиозной фигурой среди них был иерусалимский муфтий Амин аль-Хусейни, после побега из Палестины игравший ведущую роль в союзе между националистами и нацистской Германией. Профессор истории Мэрилендского университета Питер Вин в эксклюзивном контенте в либерально-прогрессивном журнале Tagesspiegel Plus указывает

¹ Une fausse radio communiste clandestine nazie prend le nom de l'Humanité // <https://www.radiotsf.fr/une-fausse-radio-humanite/>

² La guerre des ondes entre la France et l'Allemagne pendant la «drôle de guerre» // <https://shs.cairn.info/revue-historique-2014-3-page-629>

³ Radiopropaganda fürs Ausland – Geheimsender im Zweiten Weltkrieg // <https://www.swr.de/swrkultur/wissen/radiopropaganda-fuers-ausland-geheimsender-im-zweiten>

на личные контакты аль-Хусейни «с нацистскими бонзами». Он встречался с Гитлером и Генрихом Гиммлером. В результате длительных исследований Вин пришел к выводу, что «антисемитизм на Ближнем Востоке — это экспорт европейцев». Именно эти слова Вин вынес в заголовок своего труда¹. Более конкретно и сенсационно выступает доктор политологии из Гамбурга Матиас Кюнцель, в деталях рассмотревший методы использования национал-социалистами радиопропаганды для распространения ненависти к евреям на Ближнем Востоке. Он убежден, что собранные им материалы наглядно демонстрируют процесс изменения образа евреев в исламе под влиянием нацистской пропаганды в период с 1937 по 1948 год. Современная история Ближнего Востока сформирована последствиями нацизма, утверждает Кюнцель. «Антисемитизм в арабском мире пришел из Берлина»². Взгляды и суждения Кюнцеля, его резкие формулировки относительно корней антисемитизма в арабском мире вызвали серьезные международные дебаты. Многие ученые, журналисты, общественные деятели согласились с Кюнцелем. Об «институционализированном антисемитизме» в арабских странах и «разжигания ненависти» в послевоенные годы пишет бывший президент и председатель совета директоров Random House, почётный председатель-основатель Human Rights Watch Роберт Л. Бернстайн³.

Однако, в первые послевоенные десятилетия агитационно-пропагандистская работа нацистов не привлекла к себе на Западе достаточного внимания исследователей. Рассел Леммонс, профессор истории в Джексонвиллском университете (JSU), отмечает, что в трудах специалистов «ничего не говорится» о нацистской пропаганде в период борьбы за власть⁴. Канадский политолог, профессор университета Ватерлоо Дэвид Эндрю Уэлч признает, что нацистская пропаганда «лишь недавно» привлекла внимание историков, соизмеримое с ее важностью, но степень единства оценок современных исследователей в отношении ее эффективности весьма «показательна». Не пытаясь оценить восприятие пропаганды, зарубежные авторы констатируют, что нацистские пропагандисты неизменно достигали своих целей⁵. И только спустя 35 лет после краха гитлеризма профессор истории двадцатого века в Йоркском университете и член редакционных советов ведущих журналов *German History* и *History Today* Ричард

¹ Die kolonialen Wurzeln des Judenhasses: Der Antisemitismus im Nahen Osten ist ein Export der Europäer // <https://www.tagesspiegel.de/kultur/antisemitismus-in-nahost-warum-die-wut-der-palaestiner-ihre-wurzeln-im-kolonialismus-hat-146957.html>

² Nazis und der Nahe Osten. Wie der islamische Antisemitismus entstand // <https://www.henrichhenrich.de/buch-nazis-und-der-nahe-osten.html>

³ Why do human rights groups ignore Palestinians' war of words? // <https://likoed.nl/2011/09/why-do-human-rights-groups-ignore-palestinians-war-of-words/>

⁴ Lemmons, Russel, "Goebbels And Der Angriff" (1994). *European History*. // https://uknowledge.uky.edu/upk_european_history/9

⁵ *The Third Reich Politics and Propaganda* Second Edition David Welch London: Routledge 1993, P. 4, 23 // <https://epdf.pub/the-third-reich-politics-and-propaganda.html>

Бессел констатировал, что функции и предполагаемая эффективность нацистской пропаганды в прошедшие годы изучались «недостаточно внимательно и критично»¹. Потребовалось еще почти двадцать лет, чтобы профессор Института политических наук имени Отто Зура Дитер Ор указал на неоправданно затянувшиеся на десятилетия научные дебаты о роли пропаганды НСДАП².

Основной причиной столь длительного игнорирования в период нескольких десятилетий после Второй мировой войны нацистской пропаганды, как объекта достойного специального исследования принято считать масштабность чудовищных преступлений нацизма, пристальное изучение которых отодвинуло все остальные научные интересы на задний план. Косвенно этому способствовали, как это ни странно прозвучит, результаты почти годичной работы Международного военного трибунала в Нюрнберге, где состоялся международный судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников — бывших руководителей гитлеровского рейха. Это был Главный суд XX века. Беспрецедентный как с политической, так и с имиджевой точки зрения судебный процесс явился заключительным аккордом самой страшной в истории человечества войны, вынесший справедливый приговор ее главным виновникам и отправивший их на виселицу. Одним из подсудимых на процессе был Ганс Фриче. Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 23 января 1946 года зафиксировала слова американского обвинителя Дрекслера Шпрехера, назвавшего Фриче «подстрекателем» гитлеровских злодеяний³. Сегодня имя Фриче мало кому известно. Но в середине 30-х —40-х годов XX века в каждом немецком доме звучал его уверенный, хорошо поставленный голос. Он вел несколько авторских передач на Германском радио. Самой популярной была ночная - «Hier spricht Hans Fritzsche!» (Говорит Ганс Фриче). Профессор современной истории в университете Мангейма доктор Филипп Гассерт считает Ганса Фриче «самым известным радиокomentатором» Германии, внесшим немалую лепту в эффективность нацистской радиопропаганды военного времени⁴.

Будучи главой Германской пресс-службы, Фриче руководил ведущими звеньями пропагандистского аппарата нацистов - отделом прессы и Службой беспроводной связи (радиовещания).

¹ Richard Bessel "The Rise of the NSDAP and the Myth of Nazi Propaganda", in: Wiener Library Bulletin, 33 (1980), pp. 20-29.

² Dieter Ohr. Nationalsozialistische Versammlungspropaganda und Wahlerfolg der NSDAP: eine kausale Beziehung? // Vol. 22, No. 3/4 (83), 20 Jahre: Zentrum für Historische Sozialforschung: Teil II: Politik und Gesellschaft (1997), p. 106.

³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : Сборник материалов : В 7 т. / Под общ. ред. Р.А. Руденко. Т. 4: Военные преступления и преступления против человечности / [Сост.: Г.Н. Александров, А.Ф. Волчков, Д.С. Карев, М.Ю. Рагинский]. — М.: Госюриздат, 1959, с. 872.

⁴ "This is Hans Fritzsche": A Nazi Broadcaster and His Audience // https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1207/s15506843jrs0801_8

В министерстве пропаганды Фриче отвечал и за международные телеграфные службы, и за почти две тысячи ежедневных газет и журналов. По утверждению Британской энциклопедии именно он первым сообщил по радио о самоубийстве Гитлера. На протяжении всей своей службы Фриче подчинялся лично Геббельсу¹. Усердие Фриче не осталось незамеченным. Он занял должность министра-директора в Министерстве пропаганды, т.е. стал прямым заместителем Геббельса. Он не только регулярно давал указания немецким редакторам о том, что можно и нужно говорить и печатать, но и контролировал информацию, распространяемую за пределами страны, и следил за тем, чтобы официальная нацистская версия новостей была представлена идеологически полно и верно. Фриче считался наиболее «выдающимся» членом пропагандистской команды Геббельса, который весьма высоко оценивал его деятельность в сфере радиопропаганды².

После смерти Геббельса Фриче стал главным пропагандистом страны.

1 октября 1946 года Ганс Фриче был полностью оправдан Международным военным трибуналом в Нюрнберге и вышел на свободу. Протесты советской стороны услышаны не были.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

1. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов : в 7 т. / под общ. ред. Р.А. Руденко. Т. 4: Военные преступления и преступления против человечности. М.: Госюриздат, 1959 / The Nuremberg trial of the main German war criminals [*Nyurnbergskij process nad glavny`mi nemeczkimi voenny`mi prestupnikami Nyurnbergskij process nad glavny`mi nemeczkimi voenny`mi prestupnikami*] : a collection of materials : in 7 volumes / under the general editorship of R.A. Rudenko. Vol. 4: War crimes and crimes against humanity. Moscow: Gosyurizdat, 1959

2. Adolf Hitler, Propaganda and Organization (1925) // <https://germanhistorydocs.org/en/nazi-germany-1933-1945/>

3. Anton Winkelkemper // <https://www1.wdr.de/>

4. Black propaganda // <https://military-history.fandom.com>

5. Deutscher Kurzwellensender für Nazi-Propaganda bekommt Intendanten // <https://www.ardaudiothek.de/episode/>

6. Edward L. Bernays // <https://www.newworldencyclopedia.org/entry>

7. Eugen Hadamovsky - The Necessity of Action // <https://phosphorussite.blogspot.com/2023/07>

8. German radio museum sheds light on the WWII era Zeesen transmitting station // <https://swling.com/blog/2021/08/german-radio-museum>

9. German Radio: The People's Receiver // <https://exhibitions.usshm.org/propaganda>

¹ См.: Hans Fritzsche German journalist // <https://www.britannica.com/biography/Hans-Fritzsche>

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов : в 7 т. / под общ. ред. Р.А. Руденко. Т. 4: Военные преступления и преступления против человечности / . — М.: Госюриздат, 1959, С. 873 – 874.

10. Geschichte des Funkwesens. Programm "Deutscher Fernseh-Rundfunk" // <https://geschichte-des-funkwesens.de>
11. Hans Fritzsche German journalist // <https://www.britannica.com>
12. Hörfunk und Fernsehen in der Nazi-Zeit (Teil 1) // <https://www1.wdr.de/archiv/rundfunkgeschichte>
13. How Nazi propaganda chief Goebbels helped shape the SNP's arguments that are still used today // <https://www.scottishdailyexpress.co.uk>
14. Joseph Goebbels and the Nazi Propaganda Machine // <https://info.c-loans.com/>
15. La guerre des ondes entre la France et l'Allemagne pendant la «drôle de guerre» // <https://shs.cairn.info/revue-historique>
16. Nazis und der Nahe Osten. Wie der islamische Antisemitismus entstand // <https://www.hentrichhentrich.de>
17. Produktionen der Reichs-Rundfunk-Gesellschaft (1933 – 1945) Rundfunk im Nationalsozialismus // <https://www.dra.de/de/bestaende>
18. Public-Address-Strategien von 1919 bis 1949 von Ralf Gerhard Ehlert // <https://www.medienstimmen.de>
19. Radio Propaganda in World War II // wargaming.com/en/news/radio_propaganda/
20. Radiopropaganda fürs Ausland – Geheimsender im Zweiten Weltkrieg // <https://www.swr.de/swrkultur/wissen/radiopropaganda>
21. Sender Zeesen zusammengetragen von: Jürgen Tiedmann // <https://geschichte-des-funkwesens.de/>
22. The Museum of Public Relations. Stories inspiring tomorrow // www.prmuseum.org/pioneer-edward-bernays
23. "This is Hans Fritzsche": A Nazi Broadcaster and His Audience // <https://www.tandfonline.com/doi/pdf>
24. Une fausse radio communiste clandestine nazie prend le nom de l'Humanité // <https://www.radiotsf.fr/une-fausse-radio-humanite/>
25. Volksempfänger VE 301 // <https://nat.museum-digital.de/object/1006218>

ТРОНЕНКОВА
Ольга Михайловна
кандидат политических наук
доцент, доцент, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
tronenkova@gmail.com

TRONENKOVA
Olga Mikhailovna
Candidate of Political Sciences
Associate Professor, Associate
Professor, Russian University of
Transport, Moscow, Russia
tronenkova@gmail.com

DOI: 10.30932/2072-6015-2025-114-1-94-103

Противостояние России и Великобритании: исторический аспект / The confrontation between Russia and Great Britain: a historical aspect

Аннотация

Автор рассматривает историю взаимоотношений двух великих держав с XI по XX век. Взаимоотношения двух стран складывались неоднородно, взаимовыгодные контакты сменялись на враждебные, что было вызвано их геополитическими интересами. Изменения в отношениях между Россией и Великобританией имели последствия не только для них, но и затрагивали интересы всех регионов запада и востока. Понимание этих взаимоотношений поможет понять современные политические процессы.

Ключевые слова

Россия; Древнерусское государство; Русское царство; Англия; Великобритания; Восток; Запад; внешняя политика; дипломатия; геополитические интересы.

Abstract

The author examines the history of relations between the two great powers from the 11th to the 20th centuries. Relations between the two countries evolved unevenly, with mutually beneficial contacts alternating with hostile ones, driven by their geopolitical interests. Changes in relations between Russia and Great Britain had consequences not only for them but also affected the interests of all regions of the West and East. Understanding these relations will help us understand contemporary political processes.

Keywords

Russia; Old Russian state; Russian kingdom; England; Great Britain; East; West; foreign policy; diplomacy; geopolitical interests.

На протяжении веков Россию и Великобританию связывали отношения, которые нельзя назвать равными: партнёрство сменялось соперничеством, явным или скрытым, в зависимости от столкновения их интересов. Точную характеристику этих отношений дал Министр

иностранных дел Российской империи Сергей Сазонов: история «наших отношений с Англией... представляется в виде бесконечной цепи политических недоразумений, взаимного подозрения тайных и явных враждебных действий»¹.

У России за её долгую историю накопился огромный опыт дипломатических, торговых и военных союзов. Наше государство, вступая в различные коалиции, участвовало в войнах не только для защиты своих территорий от внешнего врага, но и защищало другие государства в связи с союзническими договорённостями. Если посмотреть на историю создаваемых коалиций, то «открывается картина невероятного и постоянного предательства. Все наши союзники изменяли нам при первой возможности! Да что там – они сами эти возможности и создавали! В ответ на это Россия, словно с какой-то пеленой на глазах продолжала воевать и помогать, спасать и создавать, оплачивая эти подарки кровью своих сыновей... В ответ на нашу помощь – снова невероятная неблагодарность и прямое предательство»².

Первое сближение России и Великобритании относится к домонгольскому периоду. К этому времени Древнерусское государство стало важной частью дипломатической жизни Европы, великий князь Киевский Ярослав Мудрый добивался укрепления международного авторитета Древнерусского государства. Внешнеполитические связи Древнерусского государства с иностранными державами с IX века устанавливались через династические браки с представителями правящих династий Центральной и Западной Европы. Связи Древней Руси не ограничивались Скандинавией, Византией и соседними славянскими племенами — известны также контакты с западноевропейскими государствами. Однако в отсутствие взаимной заинтересованности отношения с Англией долгое время практически отсутствовали. Они начали складываться лишь после начала скандинавских завоеваний в Британии.

Первое упоминание о знатных гостях из Англии при дворе Ярослава Мудрого относится к XI веку. Более значимое сближение произошло в 1075 году, когда был заключён брак между будущим великим князем Киевской Руси Владимиром Мономахом и Гитой Уэссекской, дочерью последнего англосаксонского короля Гарольда II. Впрочем, этот брак был инициирован в интересах Дании. После нормандского завоевания семья Гарольда Годвинсона распалась, и Гита оказалась заложницей у своего дяди — датского короля Свена Эстридсена, который использовал родственные связи для укрепления отношений с Русью.

Для Древнерусского государства этот брак имел внешнеполитическое значение: он укрепил связи Владимира

¹ С.Д. Сазонов. Воспоминания. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/xxvek/sazonov_vospominaniya.html/ (дата обращения: 11.01.2026)

² Стариков Н.В. Как предавали Россию. – СПб.: Питер, 2011. – С. 4.

Мономаха с европейскими королевскими домами, особенно с Данией. После смерти супруги Владимира Мономаха на протяжении нескольких веков интересы Руси и Англии не пересекались, и дипломатические контакты между ними отсутствовали.

Принято считать, что регулярный характер официальные русско-английские отношения приобрели лишь во второй половине XVI века, в период правления Ивана IV Грозного, когда в России обосновалась английская торговая «Московитская компания».

В 1553 году английский мореплаватель Ченслер был отправлен английской торговой компанией на поиски Северо-восточного прохода. Достигнув устья Северной Двины, он был принят в Москве и как официальный представитель короля Эдуарда VI представлен царю Ивану IV. В марте 1554 года он получил грамоту на право свободной торговли с Московским государством. Это стало началом дипломатических и торговых отношений между Русским царством и Англией. Английская внешняя политика в XVI–XVII веках велась силами не только государства, но и силами торговых компаний, которые получали государственное лицензирование на открытие новых земель и исследования в пользу английского государства. Установившиеся торговые отношения приравнялись к политическим, в этом была взаимная заинтересованность.

К середине XVI века Англия была державой регионального значения, которая стремилась закрепиться среди ведущих европейских держав, поэтому её внешняя политика была направлена на это. В XVI–XVII веках начинала складываться колониальная система, европейские державы вели борьбу за расширение своего влияния на другие регионы мира. Для достижения этой цели необходимо было строительство флота. Англия не являлась великой морской державой и весь XVI и XVII век боролась за право стать морской державой. В Северном и Балтийском морях в морских перевозках между Северной Европой и Пиренеями лидерами были голландцы. Главным соперником Англии в южных морях и самой могущественной морской державой была Испания, которая препятствовала британским мореплавателям. Англия пыталась решить колониальную проблему также поиском новых путей в страны Азии, Индию. В этих условиях англичане начали осваивать северо-восточное направление Евразийского континента, включая сухопутные маршруты в его глубинные территории. Экспедиции, снаряжённые для отыскания прохода в Индию, привели их в Россию. Московское государство, находясь на пути в Центральную Азию, оставалось единственно доступным посредником.

После начала Ливонской войны Русское царство оказалось в международной изоляции. Польша, Ливонский орден, Швеция и Дания претендовали на северо-западные территории царства, с юга осуществлялись набеги Крымского ханства. Государство изнемогало в противостоянии с несколькими врагами и остро нуждалось в союзниках, но таковых не находило. Только Англия из всех европейских держав

выступила с инициативой сближения с Русью. В этой связи Иван Грозный возлагал надежды на военную поддержку англичан в борьбе за балтийское побережье и Прибалтику.

Английская компания получила от Ивана Грозного монополию на торговлю с Россией и транзит восточных товаров через её земли. Царь щедро жаловал привилегии и шёл навстречу всем пожеланиям англичан, надеясь на взаимность. Однако Англия не желала оказывать помощь, строя свою внешнюю политику исключительно на собственных интересах. Много столетий позже внешнюю политику Великобритании определит министр иностранных дел и будущий премьер-министр Великобритании виконт Генри Джон Темпл Палмерстон в своей речи в *Палате общин 1 марта 1848 г.*: «У нас нет вечных союзников и у нас нет постоянных врагов; вечны и постоянны наши интересы. Наш долг — защищать эти интересы».

Разочаровавшись в отсутствии помощи со стороны Англии, Иван Грозный в 1570 году отменил все ранее дарованные Московской компании льготы. Англичанам удалось частично их восстановить путём переговоров, но прежней монополии они уже не получили.

Окончательный разрыв произошёл в 1649 году при Алексее Михайловиче: компанию обвинили в подстрекательстве к Солянному бунту. К тому времени стало очевидно, что англичане совмещали торговлю с разведкой. Их представители систематически собирали данные о стране, а для подготовки агентуры ежегодно присылали до десяти человек для изучения языка и местных реалий. Английская дипломатия всегда действовала в неразрывной связке с разведывательной деятельностью.

Отношения двух государств в XVI веке можно охарактеризовать как неравноправное партнерство, где интересы Англии доминировали и заложили основу для дальнейшего противостояния, которое продолжил Петр I.

Итогом первого установления дипломатических отношений двух держав стало возвышение Англии в Европе и формирование англичанами негативного образа Русского царства на многие века. Англия значительно обогатилась за счет торговли с Россией, что способствовало её становлению как мировой державы, а Россия, несмотря на незначительные экономические выгоды, теряла контроль над своей внешней торговлей.

При Петре I русско-английские отношения вступили в новый этап. Монарх лично посетил Лондон и другие города Англии, изучая технические и управленческие достижения, которые впоследствии были использованы в ходе преобразования России. На русскую службу стали активно приглашать английских математиков, кораблестроителей, специалистов по каналам и шлюзам. В 1701 году в Москве открылась Навигацкая школа, положившая начало системной подготовке отечественных морских кадров.

После победы под Полтавой международный вес России в Европе

существенно вырос. Однако Лондон был не заинтересован в усилении новой военно-морской державы на Балтике за счёт ослабления Швеции. Английская дипломатия взяла курс на затягивание военного конфликта между Россией и Швецией. Русские послы А. А. Матвеев и Б. И. Куракин неоднократно доносили Петру I о враждебных действиях английской стороны. Как отмечал Куракин, под внешней «дипломатической благопристойностью» Англия стремилась нанести ущерб России повсюду, где только представлялась возможность. Успехи русской армии и флота в Северной войне привели к значительному охлаждению двусторонних отношений, а к 1720 году — к их временному разрыву.

К XVIII веку Англия, пройдя через две революции, окончательно определила внешнеполитические приоритеты: расширение торговли и колониальных владений. Благодаря выгодному географическому положению, надёжно защищавшему её от вторжения с континента, все усилия страны были сосредоточены на реализации имперских амбиций. Как сообщал из Лондона Б.И. Куракин, за внешней «дипломатической благопристойностью» Англия противодействовала России всюду, где имела такую возможность. Успехи русского оружия и флота в Северной войне привели к серьёзному охлаждению двусторонних отношений, а к 1720 году — к их временному разрыву.

В XVIII столетии внешнеполитический курс Англии, окончательно оформившийся после двух революций, определялся двумя главными целями: расширение торговли и приращение колониальных владений. Островное положение надёжно защищало страну от угроз с континента, что позволяло Лондону сосредоточить все усилия на реализации имперских задач. Политику, которую проводит Лондон, впоследствии определил Бисмарк: «Политика Англии всегда заключалась в том, чтобы найти такого дурака в Европе, который своими боками защищал бы английские интересы». Создавая великую Английскую империю, нужно было устранить конкурентов. В течение XVI века Англия смогла лишить Испанию могущественности и статуса великой морской державы; в XVII веке была одержана победа над Голландией. Главным противником для Англии в XVIII веке стала Франция, которой удалось поднять свой статус благодаря приобретениям огромных территорий в Америке в XVII веке. Сферой интересов Франции становится Индия. Французы смогли утвердиться на Антильских островах. Таким образом, Франция к середине века является угрозой для английской гегемонии на море.

В связи с этим складывается английская внешняя политика XVIII века – поиск союзников для натравливания их на своего главного врага - Францию.

На рубеже XVIII-XIX веке произошли большие изменения в расстановке сил в Европе. Павел I выйдя из антифранцузской коалиции пошел на сближение с Францией, что определило судьбу самого императора и судьбу Европы. Англия играла ключевую,

хотя и закулисную, роль в заговоре против Павла I, предоставляя финансирование и поддержку через английского посла Чарльза Витворта для свержения пронаполеоновского и антибританского императора Павла I, чьи действия угрожали интересам Британии, а успех переворота обеспечил проанглийски настроенный Александр I.

Русско-персидская война, начавшаяся в 1804 году, стала первой военной кампанией России в Средней Азии. Победа армии Александра I привела к столкновению интересов Российской и Британской империй на Востоке, положив начало «Большой игре» — масштабному геополитическому соперничеству за доминирование в Центральной Азии.

Расширение российского влияния в регионе вызвало резкое недовольство как Персии, так и Англии. Для Персии главную угрозу представляла политика России по закреплению на Кавказе. Англия же, долгое время остававшаяся единственной доминирующей силой в Азии, стремилась любыми средствами не допустить появления конкурента у границ своей сферы влияния. Результатом совместных усилий стал союз Персии, Османской империи и Гянджинского ханства, покровительство которому взяла на себя Англия.

Первым открытым столкновением в рамках «Большой игры» стала битва при Асландузе в 1812 году, где персидские войска действовали под руководством британских инструкторов. Итогом войны стало дальнейшее укрепление позиций России в Азии при одновременном ослаблении Персии и Турции. Противостояние двух империй продолжалось вплоть до начала XX века и завершилось лишь с вхождением России и Великобритании в состав Антанты.

В 1807–1812 годах в рамках Наполеоновских войн проходила Англо-русская война. Россия присоединилась к континентальной блокаде против Британии; эта война характеризовалась редкими столкновениями. Экономические связи России оказались серьёзно подорваны войной. Крупных сражений не происходило: мощная береговая оборона надёжно прикрыла Кронштадт, Петербург и Архангельск, и противник не рискнул штурмовать эти базы.

Ситуация изменилась 28 июля 1812 года. Наполеон уже был в России, и в этот день был заключён англо-русский мир. Англия и Россия объявили о дружбе и взаимной выгоде в торговле, закрепив принцип наибольшего благоприятствования.

После изгнания французской армии из России Александр I принимает решение освободить Европу от Наполеона, несмотря на выдвинутые предупреждения со стороны своего окружения об опасности появления единственного сильного европейского лидера в лице Великобритании. В результате заграничных походов русской армии 1813-1814 годов равновесие в Европе было нарушено, Франция потеряла статус сильной мировой державы. Таким образом, главными лидерами в мире становятся морская Англия и сухопутная Россия. Англия, в стремлении действовать в своих интересах, рассматривает

Россию как соперника. Прежде всего это касалось азиатского региона, где столкнулись сферы интересов России и Великобритании.

Первое прямое военное столкновение между Россией и Великобританией произошло в ходе Крымской (Восточной) войны 1853 года. Великобритания играла ключевую роль как одна из главных сил антироссийской коалиции. Стремясь ограничить влияние России и сохранить баланс сил в Европе, она обеспечивала морское господство, высадив экспедиционный корпус в Крыму и участвуя в осаде Севастополя, что привело к серьезным потерям, но не достигло всех стратегических целей Британии. Великобритания была активным участником конфликта, предоставляя военную мощь и морские ресурсы для достижения своих геополитических целей против России, но столкнулась с серьезными трудностями в ходе кампании, особенно в логистике и снабжении, что, впрочем, не отменяло ее значительной роли.

По мере роста колонизаторских устремлений Англии на Среднем Востоке, российская активность в Средней Азии к концу XIX столетия стала восприниматься в Лондоне как фактор серьёзной геополитической угрозы. В июне 1868 года большое неудовольствие вызвало включение в зону влияния России Бухарского царства. «... Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попало в цель, для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам. Ведь, несомненно, что Англия враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии. Это узда, которой мы всегда можем сдерживать Англию, готовую нам всюду вредить, что уже и показала она в Крымскую кампанию»¹, - писал генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман.

Наибольшей остроты англо-русское соперничество достигло в Афганистане. Для Лондона эта территория была важна как стратегический заслон, призванный воспрепятствовать возможному проникновению России в Индию, а также как опорная база для вмешательства в среднеазиатские дела с целью противодействия русскому влиянию. Петербург, в свою очередь, видел в Афганистане едва ли не единственное направление, позволявшее нанести удар по Британской империи с её уязвимой сухопутной границы.

В ноябре 1878 года британские войска вторглись в Афганистан. Россия решительно осудила эту агрессию, расценив её как прямую угрозу своим среднеазиатским владениям, и настаивала на сохранении суверенитета и территориальной целостности Афганистана. Несмотря на это, уже в 1879 году Лондон навязал Кабулу протекторатный договор.

Оценивая геополитическую ситуацию, генерал М.Д. Скобелев указывал на смещение центра тяжести «восточного вопроса» с Балкан в зону Персии и Афганистана, подчёркивая, что успешные действия в Европе и Азиатской Турции сами по себе уже не способны привести к

¹ Стариков Н.В. Геополитика: Как это делается. – СПб.: Питер, 2014. С.266

его окончательному решению.

Параллельно Россия завершала интеграцию сопредельных территорий: 2 марта 1876 года Кокандское ханство было упразднено, а его земли вошли в состав империи как Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства. Этот регион приобрёл значение удобного плацдарма для потенциального удара по британским владениям в Индии. В 1878 году М.Д. Скобелев подготовил памятную записку, в которой изложил своё видение перспектив индийского похода: «Вопрос о походе в Индию, давно занимавший многие великие умы, долгое время носил для нас, русских, мифический характер. Настоящая же записка имеет целью показать, что при нынешнем нашем географическом положении, политическом превосходстве в Средней Азии и имеющихся средствах это предприятие представляется — пусть и не лёгким, — но вполне осуществимым».

«Надо помнить только, что при полной удаче предприятия мы можем разрушить Британскую империю в Индии, последствия чего в самой Англии заранее и исчислить трудно. Компетентные люди в Англии сами сознаются, что неудача у границ Индии может повлечь за собой даже социальную революцию в самой метрополии... Одним словом, падение британского могущества в Индии будет началом падения Англии. При неполном успехе со стороны нашей, то есть когда в Индии не произойдёт восстания и мы не в состоянии будем вторгнуться в её пределы, мы прикуём всю индийскую армию к Индостану и лишим её возможности выделить какую-либо часть её в Европу, даже заставим часть войск из Европы перевести в Индию. Одним словом, можем в значительной степени парализовать сухопутные силы Англии для войны в Европе, или же для создания нового театра войны от Персидского залива на Тавриз, к Тифлису, в связи с турецкими и персидскими делами, о чем уже с Крымской войны мечтают английские военные люди»¹.

Постоянное противостояние Англии с ведущей континентальной державой придавало её внешней политике последовательную и внутренне согласованную логику: не допустить появления и укрепления опасного конкурента. В этом контексте Россия должна была быть ослаблена и лишена возможности дальнейшего расширения — как в Азию, так и в направлении турецких проливов. Русский флот следовало запереть в Черном море, а в идеале — вовсе ликвидировать. Инструментом ослабления мыслилось военное поражение. Однако если одержать верх над противником на поле боя не представляется возможным, в действие вступает традиционный механизм тайной дипломатии: поиск союзников, чьими силами можно достичь собственных целей.

В последующий период соперничество России и Британии в Афганистане не прекращалось. Именно на стыке Афганистана и туркменских земель — в одном из сложнейших регионов мира —

¹ Проект М. Д. Скобелева о походе на Индию. Туркестанский Сборник, 1883, т. 368.

сложился плацдарм, где русские и британские войска едва не сошлись в прямом столкновении.

Не менее сложный характер носили отношения двух держав и на Дальнем Востоке. Ключевыми элементами азиатской геополитики России в XIX веке стали Китай, Корея и Япония — и здесь вновь отчетливо проявилось российско-британское противоборство.

К середине XIX столетия Китай переживал глубокий кризис. Англия провела против него две военные кампании, преследовавшие цель возобновить ввоз опиума и, что не менее важно, установить контроль над китайскими портами, не допустив их перехода под власть любой другой державы, прежде всего России.

Ответом китайской стороны на принудительную опиумную торговлю стало задержание английских купцов с требованием выдать и уничтожить весь опиум. Это послужило поводом для карательной экспедиции Великобритании, вошедшей в историю как Первая опиумная война (1840–1843). Её итогами стали контрибуция в 21 миллион юаней, открытие ряда китайских портов для опиумной торговли и передача Британии острова Гонконг «в вечное владение» (возвращён Китаю лишь в 1997 году).

Вторая опиумная война (1858–1860) оказалась непосредственно связана с Россией. Зимой 1860 года англичане намеревались высадить десант в заливе Посъет, близ нынешнего Владивостока, — территория формально принадлежала Китаю. Однако сводная русская эскадра своевременно подошла к китайским берегам, и 2 октября 1860 года был заключён Пекинский договор, по которому всё Приморье отошло к России. В ноябре 1897 года русские корабли заняли гавань Порт-Артур. После этого Россия стала наращивать своё морское могущество в этом регионе. В ответ английские политики, после проведённых переговоров, в январе 1902 года заключили союзный договор с Японией. По договору Япония обязуется вступить в войну в случае конфликта в Индии, а Британия, в свою очередь, — в случае попытки России захватить Корею. После окончания войны с Китаем Япония наращивает морской флот. Строительство и кредитование строительства крупных и средних кораблей осуществляется силами Англии и её союзниками.

Стремясь ограничить российское влияние на Дальнем Востоке, Лондон инициировал создание военно-морской базы у корейских берегов и пытался спровоцировать русско-китайское столкновение. Ключевым инструментом британской политики стал англо-японский союз 1902 года, развязавший Токио руки для войны с Россией. Поражения в ходе последовавшей кампании вынудили Петербург пойти на Портсмутский мир 1905 года, условия которого стали серьёзным ударом по дальневосточным позициям империи.

«Большая игра» завершилась подписанием англо-русского соглашения 1907 года, разграничившего сферы влияния, которое разделила Персию, Афганистан и Тибет на сферы влияния, хотя со-

перничество в этом регионе продолжилось в различных формах. В истории XX века отношения двух держав становятся более сложными и противостояние продолжается по сегодняшний день. События прошлого определяют события будущего. В России, писал Н. Бердяев в «Русской идее», сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский. Россия есть огромный Востоко-Запад (Евразия)¹. Россия - страна колоссальных размеров, раскинувшаяся на двух континентах – Европе и Азии. Именно территория России определяла внешнеполитические отношения с сильнейшими государствами во все века.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Н.А.Бердяев. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., Наука, 1990, Стр.44-45
2. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения, 1986. С. 262.
3. Проект М. Д. Скобелева о походе на Индию. Туркестанский Сборник, 1883, т. 368.
4. С.Д. Сазонов. Воспоминания. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/xxvek/sazonov_vospominaniya.html/ (дата обращения: 11.01.2026)
5. Стариков Н.В. Как предавали Россию. – СПб.: Питер, 2011. – С. 4.
6. Стариков Н.В. Геополитика: Как это делается. – СПб.: Питер, 2014. С.277

REFERENCES

1. N.A. Berdyaev. The Russian Idea [*Russkaya ideya*] // About Russia and Russian Philosophical Culture. Moscow, Nauka, 1990, pp. 44-45
2. Molchanov, N.N. The Diplomacy of Peter the Great [*Diplomatiya Petra Pervogo*]. Moscow: International Relations, 1986, p. 262.
3. M.D. Skobelev's Project for the Campaign to India [*Proekt M. D. Skobeleva o poxode na Indiyu*]. Turkestan Collection, 1883, v. 368.
4. S.D. Sazonov. Memories [*Vospominaniya*]. - [Electronic resource]. – Access mode: http://dugward.ru/library/xxvek/sazonov_vospominaniya.html/ (date of access: 11.01.2026)
5. Starikov N.V. How Russia was betrayed [*Kak predavali Rossiyu*]. – St. Petersburg: Piter, 2011. – P. 4.
6. Starikov N.V. Geopoliticsn [*Geopolitika*]: How it's done. – St. Petersburg: Piter, 2014. P. 277

¹ Н.А.Бердяев. Русская идея. // О России и русской философской культуре. М., Наука, 1990, Стр.44-45

КОНФЕРЕНЦИИ

CONFERENCES

ГУЗЕНИНА

*Светлана Валерьевна
доктор социологических наук,
доцент, профессор, Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия*

dialog-lana@yandex.ru

*GUZENINA Svetlana Valer'evna
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor
Professor, Derzhavin State
University,
Tambov, Russia*

dialog-lana@yandex.ru

КАКУШКИНА

*Марина Анатольевна
кандидат экономических наук,
доцент, доцент, Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия*

kakushkina@tsutmb.ru

*KAKUSHKINA Marina Anatol'evna
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor, Derzhavin State
University,
Tambov, Russia*

kakushkina@tsutmb.ru

DOI: 10.30932/2072-6015-2025-114-1-104-110

Студенческая наука как взгляд в будущее (по страницам межвузовской научной конференции)/ Student science as a look into the future (based on the pages of the interuniversity scientific conference)

Аннотация

В статье дан обзор научной студенческой конференции, прошедшей в ноябре 2025 года в Державинском госуниверситете. Авторы убеждены в том, что студенческие конференции выступают одной из форм мотивации молодежи заниматься исследовательской деятельностью в период обучения университете, где можно найти себя, свое призвание, единомышленников и оппонентов, увидеть новые горизонты и увлечься интересной тематикой на долгие годы. В этом смысле студенческая наука является отчасти и прогнозом будущего, которое молодежь и рефлексировать, и ментально моделирует.

Ключевые слова

Студенческая наука; научная конференция; молодежь; высшее образование; будущее

Abstract

The article provides an overview of the scientific student conference held in November 2025 at Derzhavin State University. The authors are

convinced that student conferences serve as a form of motivation for young people to engage in research during their university years, where they can find themselves, their calling, like-minded individuals, and opponents, as well as explore new horizons and become passionate about interesting topics for many years to come. In this sense, student science is also a reflection of the future that young people are both contemplating and mentally modeling.

Keywords

Student science; scientific conference; youth; higher education; the future.

Научная жизнь российской молодежи сегодня связана с целым комплексом различных мероприятий, практик и активностей, в рамках которых могут быть реализованы интересные идеи, связанные чаще с университетским периодом обучения, становлением в профессии, а потому – активным поиском себя, своего места в той или иной области, первыми научными изысканиями, творческими порывами, коллективной работой, партнерством с наставником и прочими феноменами студенческой жизни.

В самом деле, высшее образование открывает перед молодыми людьми двери в увлекательный мир, прежде незнакомый, но чрезвычайно интересный, где можно найти себя, свое призвание, единомышленников и оппонентов, увидеть новые горизонты и увлечься интересной тематикой на долгие годы.

Научные студенческие конференции выступают одной из форм мотивации молодежи заниматься исследовательской деятельностью в период обучения университете. Хорошей, и уже довольно давней традицией, в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина, стало проведение в конце каждого календарного года обществоведческой конференции «Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира». Конференция с таким названием стартовала в университете в далеком 2007 году, меняла форматы и участников (от всероссийской интернет-конференции – к международной, от заочной – к очной студенческой, межвузовской, всероссийской, международной). В 2025 году, 10 декабря, конференция прошла как студенческая в двенадцатый раз, и носила статус межвузовской с международным участием. Из года в год, вне зависимости от статуса, конференция сохраняет свою главную тему — исследование важнейших общественных процессов. Это включает анализ насущных социальных проблем, духовной сферы, вызовов цифровой эпохи, а также влияния медиа и элементов традиционной культуры.

XII Межвузовская научная студенческая конференция (с международным участием) «Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира» состоялась 10 декабря 2025 года на факультете истории, политологии и социологии Тамбовского государственного университета

имени Г.Р. Державина.

В конференции приняли участие около 170 человек, включая молодых исследователей (студентов, магистрантов и аспирантов), увлечённых обществуведческой тематикой, их научных руководителей, преподавателей, а также слушателей. К мероприятию, организованному ТГУ имени Г.Р. Державина, присоединились студенты, магистранты, аспиранты и преподаватели из других вузов: Тамбовского государственного технического университета, Тамбовской духовной семинарии и Уфимского университета науки и технологий. Помимо российских участников, в конференции приняли участие молодые исследователи из Азербайджана, Ирака и Туркменистана, которые в настоящее время проходят обучение в российских высших учебных заведениях.

Открыла пленарное заседание председатель Оргкомитета конференции Светлана Валерьевна Гузенина — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, социологии и международных процессов ТГУ имени Г.Р. Державина, а также руководитель Тамбовского отделения Российского общества социологов. Она выступила с докладом о трансформации досуга тамбовской молодежи, обозначив актуальные акценты и тенденции данного социального процесса, на основании проведенного эмпирического социологического исследования:

1. Качество досуга в российских регионах влияет на восприятие молодежью собственного общественного статуса, осознание возможностей действовать как в экономическом смысле, так и в плане удовлетворения культурно-творческих запросов.

2. В условиях технологических и культурных изменений, глобализации, геополитической трансформации и проведения СВО, в России сегодня актуальны качественно-новые виды досуга, характеристикой которых выступают рекреационная, культурно-познавательная и развлекательная направленность их содержания.

3. Студенческий период характеризуется текущей учебной активностью, что может привести к усилению стресса и усталости, что отрицательно сказывается на самочувствии студентов. Отличаясь от старших поколений, современная молодёжь всё реже посвящает досуг активному отдыху на свежем воздухе. Эта тенденция негативно сказывается на физическом состоянии молодых людей, приводя к снижению их активности и общему ухудшению здоровья. В связи с этим актуальной задачей молодёжной политики становится формирование привлекательной повестки здорового образа жизни. Для этого необходимо задействовать возможности средств массовой информации, чтобы создать в молодёжной среде устойчивый интерес к спортивно-массовым мероприятиям. Важно представлять их не просто как источник необходимых физических нагрузок, но и как современную, популярную форму общения и проведения досуга.

4. Результаты тамбовского эмпирического исследования 2024 года

показывают, что тамбовская молодежь воспринимает именно досуг, а не работу как сферу жизнедеятельности, качество которой определяет уровень удовлетворенности жизни молодого человека в регионе в целом.

5. В процессе социализации молодежи большую значимость приобретает массовая культура. Одним из необходимых условий воспитания молодежи выступает формирование модели – образца для подражания, эффективным средством пропаганды такого образца являются СМИ.

Барашева Л.В., кандидат педагогических наук, преподаватель истории и обществознания МАОУ СОШ 31 г. Тамбова, представила на пленарном заседании доклад «Преемственность изучения культуры родного края в образовательных учреждениях Тамбовской области». Лариса Валерьевна отметила: «Идеи, заложенные в государственной программе Российской

Федерации «Развитие образования» до 2030 года, основываются на таких принципах, как государственность, бесплатность основного общего образования, доступность и массовость образования. Значимым положением в данном документе стал тезис о том, что образование должно стать гарантией исторической преемственности поколений и сбережения национального культурно-исторического наследия нашей страны»¹. Педагог подчеркнула, что преемственность в изучении культуры родного края, как направление воспитания и образования детей в многоступенчатой системе образования и воспитания в Российской Федерации, должна занимать устойчивую позицию в учебно-воспитательном процессе во всех уголках России.

XII Межвузовская (с международным участием) научная студенческая конференция «Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира» объединила молодых исследователей в рамках трех тематических секций.

На секции 1 «Проблемы социального анализа современного мира» свои разработки смогли представить студенты международники, политологи и социологи, посвятившие свои работы как глобальной тематике и различным аспектам межгосударственных отношений (Американская «мягкая сила» в Северной Корее: попытка «размягчения» режима; Вопрос Южно-Китайского моря в американо-китайских отношениях;), так и общероссийским, и региональным актуальным проблемам (Здоровье и медицинское обслуживание населения в фокусе теоретической мысли XX-XXI века; Демографические вызовы в России и их политические импликации; Научные основы изучения региональной идентичности в современной социологии; Ресурсы лиц, имеющих региональное влияние в России (анализ случая Тамбовской области, 2018–2024 гг.). Особым «блоком» на секции выделяются

¹ Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701)

доклады, посвященные теме внешней политики (Российско-Китайское сотрудничество в Арктике; Двойные стандарты в спорте по отношению к спортсменам из России и Израиля; Проблема санкций в российско-американских отношениях).

Особенный интерес на секции вызвал доклад «Концепция «симфонии властей»: опыт Византии и перспектива ее рецепции в современной модели государственно-конфессиональных отношений» студента Тамбовской духовной семинарии, показавший взгляд РПЦ на некоторые государственные и политические вопросы, а также затронувший проблему исторической и культурной памяти в политике.

Секция 2 объединила молодых исследователей культуры и духовной жизни различных социальных групп. На секции «Актуальные вопросы культуры и духовной жизни» студенты рассмотрели вопросы сохранения традиций и духовных ценностей, развития духовности в современном мире. Абсолютно логично в студенческих работах затронута проблематика роли семьи, образования и учреждений культуры в формировании личности растущего человека и его социокультурной идентичности. В рамках работы секции участники провели компаративный анализ традиционной туркменской и русской свадеб, поскольку два студенческих доклада были посвящены свадебному обряду (Русская свадьба как элемент традиционной культуры; Туркменская свадьба как часть культурной традиции Туркменистана). Примечательно, что туркменские студентки приняли участие в работе конференции в национальных костюмах, что обеспечило особую атмосферу межкультурного диалога.

Секцию 3 «Виртуальное общество и медиапространство» открыла Алмали Аайя Аднан Латиф (Багдад, Ирак), аспирантка Тамбовского государственного технического университета, с докладом, посвященным сложностям человеческих отношений в цифровом мире. Секция вызвала неподдельный интерес как у российских, так и у иностранных студентов и собрала участников, готовых обсудить научные аспекты изучения цифровой трансформации общества и личности в условиях новой информационной среды, специфики влияния цифровизации на потребительское поведение и нейросетевых технологий на международную экологическую обстановку, защиты духовных ценностей российской молодежи в медиапространстве, особенностей бизнес-контента и коммуникационных технологий муниципальной политики, а также тенденций подачи информации в современных СМИ.

Интересно, что в рамках работы секции нашлось место для обсуждения как политических (Стратегия управляемой дезинформации: фейковые нарративы в предвыборной кампании Дональда Трампа 2024 года; Deepfake-дипломатия: как синтетические медиа переопределяют публичную политику), так и религиозных цифровых практик (Религиозный дискурс в публичной медиаполитике; Современная репрезентация православных протозанров на примере электронного

журнала «Фома»; Современная православная проповедь в интернет-пространстве: жанровые и коммуникативные особенности в контексте российского социума).

В рамках работы конференции Оргкомитет провел конкурс лучших студенческих докладов с присуждением призовых мест (первое, второе, третье по каждой секции). Критериями победы выступили: актуальность темы и её новизна, отклик участников секции и количество заданных вопросов, глубина владения материалом, острота научной полемики. Победители были награждены дипломами конференции и призами.

Оргкомитет XII Межвузовской (с международным участием) научной студенческой конференции «Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира» (10.12.25, Тамбов) выражает искреннюю благодарность главному редактору научного журнала «ПОИСК», доктору философских наук, профессору, почётному работнику высшей школы Российской Федерации, Аркадию Львовичу Маршаку, за предоставленную возможность безвозмездной публикации лучших научных докладов настоящей студенческой конференции на страницах научного журнала «ПОИСК». Эта инициатива - большой личный вклад состоявшегося ученого в дело развития молодежной науки в России.

Завершая обзор прошедшего в ТГУ имени Г.Р. Державина научного мероприятия, отметим, что студенческая научная конференция носит не только научный, но и просветительский характер. Так, для всех желающих участников студенческой конференции была проведена бесплатная интересная экскурсия в музей истории Тамбовского государственного университета. Деятельность музейно-выставочного комплекса ТГУ имени Г.Р. Державина направлена в первую очередь на студенческую аудиторию, однако он также функционирует как публичный музей, открытый для всех категорий посетителей. Комплекс выступает хранителем истории старейшего вуза Тамбовской области.

В настоящее время музейно-выставочный комплекс Державинского университета представляет собой многофункциональное пространство, объединяющее научную, историческую и культурную составляющие. Это современный экспозиционный проект, в котором отражены ключевые этапы становления высшего образования в регионе, история тамбовского крестьянства, а также развитие образования, науки, здравоохранения, культуры и других сфер.

Примечательно, что в научной конференции «Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира» 2025 года приняло участие большое количество студентов-первокурсников (около 10 человек), хотя традиционно научная работа привлекает студентов-выпускников и магистрантов. Авторы склонны полагать, что такой искренний интерес первокурсников к общественным наукам связан с введением в вузах России нового предмета – «Основы российской государственности», что сразу же отразилось на внимании студентов первого курса к социальным, политическим, экономическим, духовным проблемам

страны. Студенческая научная активность показывает, что данная инициатива Минобрнауки дает свой положительный результат. В целом, студенческие научные конференции становятся катализатором молодежной науки в университетском пространстве, ведь это взгляд молодежи не только в исследовательское поле, но и на самих себя, на окружающий мир, и в конечном счете - в будущее. В этом смысле студенческая наука является отчасти и прогнозом будущего, которое молодежь и рефлексировать, и ментально моделирует. Таким образом, вполне правомерна мысль о том, что университетская молодежь, как особая социальная группа, выступает в любом обществе социальным архитектором его ближайшего и отдаленного будущего.

БИБЛИГРАФИЯ

1. Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701) [Электронный ресурс URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/?ysclid=mlexp2c9uv180029933>] (дата обращения 09.02.2026)

2. Музей Державинского университета [Электронный ресурс URL: https://vk.com/museum_tgu] (дата обращения 09.02.2026)

REFERENCES

1. Strategic priorities in the implementation of the state program of the Russian Federation "Development of Education" until 2030 [*Strategicheskie prioritety` v sfere realizacii gosudarstvennoj programmy` Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya» do 2030 goda*] (ed. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07.10.2021 No. 1701) [Electronic resource URL: https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020_bd2e9761f/download/4444/?ysclid=mlexp2c9uv180029933] (accessed 09. 02. 2026)

2. Museum of Derzhavin University [*Muzej Derzhavinskogo universiteta*] [Electronic resource URL: https://vk.com/museum_tgu] (accessed 09.02.2026)

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

Международная научно-практическая конференция "Становление и развитие новой парадигмы инновационной науки в условиях современного общества". Прием материалов осуществляется до 25 февраля 2026 г. включительно.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием "Проблемы и тенденции научных преобразований в условиях трансформации общества". Срок приема материалов для участия в конференции - 13 марта 2026 г.

Национальная (Всероссийская) научно-практическая конференция с международным участием "Система научных ценностей российского общества: междисциплинарные исследования". Подать документы для участия необходимо по 22 февраля 2026 г.

XXXI Международная научно-практическая конференция "Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки". Подать документы для участия необходимо по 11 марта 2026 г. DOI, Google Scholar.

XXX Международная научно-практическая конференция "Вызовы глобализации и развитие цифрового общества в условиях новой реальности". Документы для участия принимаются до 18 марта 2026 года включительно. DOI, Google Scholar.

XXVIII Международная научно-практическая конференция "Устойчивое развитие общества: новые научные подходы и исследования". Статьи и материалы принимаются по 10 марта 2026 года.

III Международная научно-практическая конференция "Научный поиск: проблемы, векторы, перспективы". Окончание приема статей для публикации в сборнике – 26 февраля 2026 г.

III Международная научно-практическая конференция "Eurasian scientific conference". Окончание срока подачи материалов для участия в конференции - 25 февраля 2026 г.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием "Трансформация национальной научной школы России: от идеи к реализации". Прием материалов осуществляется до 28 февраля 2026 г. включительно.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием "Интеллектуальный потенциал России 2026". Подать документы для участия необходимо по 4 марта 2026 г.

XXI Международная научно-практическая конференция "Концепция устройства современного мира в эпоху цифры". Статьи и материалы принимаются до 02 марта 2026 г. включительно.

Международная научно-практическая конференция "Международный форум молодых ученых - 2026". Материалы для участия необходимо отправить до 23 февраля 2026 года включительно.¹

¹ Подробности на сайте <http://www.kon-ferenc.ru>

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

<https://www.rupoisk.su/>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

<https://www.rupoisk.su/>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск №1(114)
Январь-Февраль 2026 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта»

Издатель

РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва,
ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: abp-rut@yandex.ru

Сайт в интернете: www.rupoisk.su/